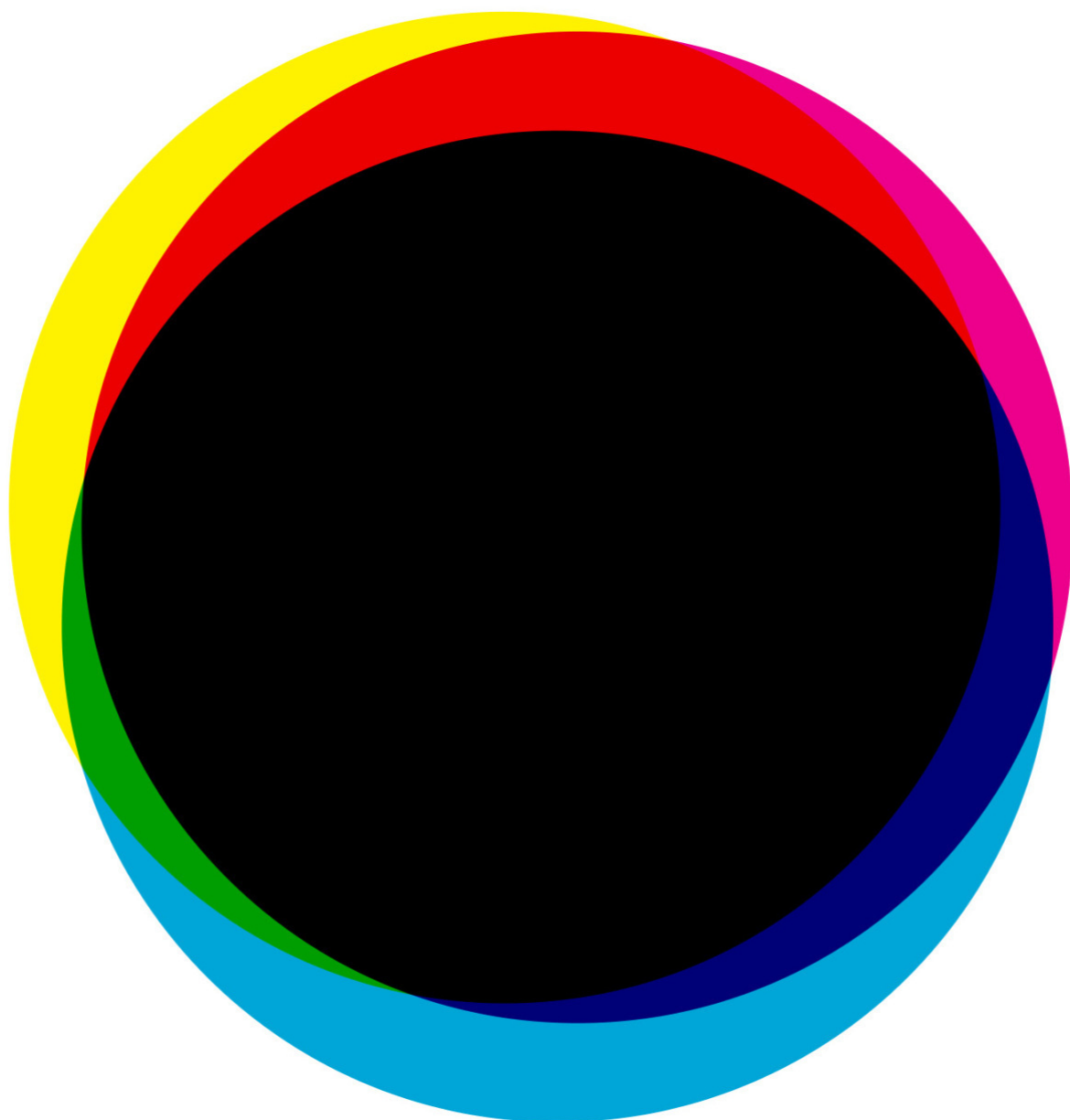

Ян Немец

Возможности любовного романа

Corpus

Ян Немец сумел дать новый
шанс любовному роману
и написать его тогда, когда
все любовные романы были
уже написаны. ШТЕФАН ШВЕЦ

Ян Немец

Возможности любовного романа

«Corpus (АСТ)»

2019

УДК 821.162.3-31
ББК 84(4Чеш)-44

Немец Я.

Возможности любовного романа / Я. Немец — «Corpus (АСТ)»,
2019

ISBN 978-5-17-123457-7

«Возможности любовного романа» – это тонкая и психологически выверенная проза, книга, удивляющая не только необычностью сюжета, но и непривычной структурой. История любви Яна и Нины – писателя и студентки – разворачивается на наших глазах. И с самого начала мы узнаем, что влюбленные расстанутся... во всяком случае в рамках книги. Роман написан от первого лица, от имени Яна, и только изредка к рассказу о пережитом подключается Нина, пытающаяся объяснить, что ей все видится несколько иначе. Ссоры, споры, бурные примирения – все как у всех, но повествование об этом перемежается путевыми заметками, отрывками из научных и псевдонаучных сочинений, актуальными рассуждениями о постмодернизме, симпатичными зарисовками из жизни чешской богемы и даже интервью, взятым автором у самого себя... читатель и сам не замечает, как оказывается внутри романа и постепенно там обживаетеся. Ян Немец – один из самых заметных современных чешских писателей, но на русский язык его книги прежде не переводились. К счастью, теперь это упущение исправлено. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.162.3-31
ББК 84(4Чеш)-44

ISBN 978-5-17-123457-7

© Немец Я., 2019
© Corpus (АСТ), 2019

Содержание

чернильно-синяя тесьма	7
harmonia urbis	8
девушка застрелила бойфренда, чтобы снять видео на YouTube	14
в моей душе расцвел бутон	16
первая глава	22
явленный мир	23
лето	25
она была несекретной	34
лето продолжается	35
в предыдущих сериях	42
я, ты и Ты	43
Memories are made of this	45
мужчина встретил любовь всей своей жизни	53
с Гуглом в Риме	54
незасчитанная попытка невинности[31]	57
примечание автора	60
суп с буковками	61
в предыдущих сериях	69
tête-à-tête	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ян Немец

Возможности любовного романа

© Jan Němec, 2019

© Host – vydavatelství, s.r.o., 2019

© А. Агапова, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

* * *

место для эпитафии

чернильно-синяя тесьма

Мы еще жили порознь или только-только начинали совместную жизнь, но в ней не было пока никакой определенности, когда ты в очередной раз спросила, зачем ты мне нужна. Ты сидела в белом кресле возле книжного шкафа, над твоей головой слегка колыхались на сквозняке торчащие из книг цветные закладки, и ты спросила: “Почему ты хочешь быть со мной?” Вместо ответа я просто улыбнулся или даже ляпнул какую-то глупость, вроде того, что много будешь знать – скоро состаришься. Но на самом деле твой вопрос меня задел; мне было обидно, что ты и впрямь можешь подумать, будто у всего этого есть какая-то конкретная причина, которую я могу вытащить из Большой Картотеки Причин, показать тебе, а потом снова убрать на место – осторожно, будто возвращая карту в колоду таро. Почему мы вместе? Возможно, ты ждала, что я назову какое-то твое качество, которое казалось тебе особенно ценным (а вот мне оно вполне могло казаться несущественным), или расскажу о всяческих утехах, которые дарят мне блеск твоей юности и гитарообразные контуры твоего тела. Но я молчал и думал, что ты нужна мне не по какой-то конкретной причине, но что в этом есть, наверное, какой-то смысл, что так правильно, и больше тут добавить нечего.

Почему сейчас я возвращаюсь к нашему разговору, объяснить, пожалуй, будет непросто. Дело в том, что вопросы сердца обычно остаются без ответов, но, возможно, лишь неизбежно расходятся с ними по времени. Я видел, как ты, сидя в белом кресле, излучаешь тревогу, и тогда я взял с полки случайную книгу и открыл ее там, где страницы разделяла чернильно-синяя тесьма. *Некоторое постоянство в отчаянии рано или поздно рождает радость. И у каждого из тех, кто в монастыре Сан-Франческо окружил себя красными цветами, стоит в келье череп, дающий пищу для размышлений... Что до меня, то если я чувствую, что в жизни моей происходит перелом, то не благодаря тому, что я приобрел, а благодаря тому, что утратил*¹. Я прочитал вслух фрагмент из “Записных книжек” Альбера Камю, но взбужденный словами воздух тут же выпорхнул вместе с легким сквозняком через окно в сад и напитался там свежим запахом травы. Стало ясно, что мы получили ответ на какой-то другой вопрос, не на тот, который ты задала. Но теперь я знаю, что это был ответ на вопрос, который спустя несколько лет я задавал тебе снова и снова: “Почему ты от меня уходишь?” Однако ты молчала. Неужели ты тоже думала, что уходишь не по какой-то конкретной причине, но что в этом есть какой-то смысл, что так правильно, и больше тут добавить нечего?

Вот, собственно, и все. Я сразу сообщаю вам об этом, чтобы вы не слишком переживали. Мне хотелось лишь одного – вернуть прожитую нами историю.

¹ Переводчики прозаических и поэтических текстов указаны в конце книги. Там же читатель найдет примечания к местам, отмеченным сносками. – Прим. редактора.

harmonia urbis

В то утро я проснулся от собственного смеха.

Мне приснилось, что я катаюсь по улицам Брно на спине. Мои острые лопатки заканчивались маленькими колесиками, как у чемодана, а третье колесико, дребезжавшее по мостовой, помещалось где-то в районе крестца. Я старательно отталкивался ногами и мчался по пешеходному центру города, будто бы лежа на спортивных санях, но только головой вперед. Улицы из этого положения казались удивительно воздушными: небо раскинулось прямо надо мной, а доходные дома притворялись небоскребами. Правда, было одно неудобство – я не видел, куда еду, поэтому пешеходы либо отпрыгивали в сторону, либо широко расставляли ноги, чтобы я мог проскочить под ними, как шар сквозь крокетные ворота.

Я мчался по городу без особой цели, подобно какому-нибудь владельцу кабриолета в теплый субботний день. Но потом кадр сменился и оказалось, что я уже успел подобрать пассажира, а точнее, рыжеволосую пассажирку, которая, видимо, вовремя не заметила, что моя голова, едва не касаясь земли, несется прямо на нее со скоростью пушечного ядра. Теперь девушка сидела у меня на коленях, и я, приглядевшись к ней снизу, признал свое попадание вполне удачным – если учесть, что врезался я в нее буквально слепо. Наше положение было не только приятным, но и выгодным: девушка могла рулить, а я – больше не бояться, что сломаю себе шею, налетев на дорожный столбик, или застряну подбородком в какой-нибудь вентиляционной решетке.

Мы неслись вниз по Пекаржской улице, когда я вдруг заметил то, что знал уже давно, но наяву до конца не осознавал. Весь город гулко резонировал, словно в пустотах под его мостовыми лежали огромные металлические пластины. Проезжал трамвай – и они отзывались басом, по тротуару стучали каблучки – и пластины звенели, как музыкальный треугольник; даже на брошенный окурок – и на тот они откликались. Я вдруг понял, что не наверху, а именно внизу записываются все наши шаги, промахи и скачки. Гигантская акустическая система преобразует наши движения в звуковые волны, которые окружают нас, хотя и находятся за пределами слышимости.

Может, теперь я их наконец слышу, потому что уши мои так близко к мостовой, подумалось мне в том сне, и я спросил у девушки, не слышит ли она тоже что-то необычное. Но девушка только рассмеялась в ответ и устроилась на мне поудобнее, так что взгляд мой слегка затуманился и сон вдруг стал напоминать сон из какого-нибудь фильма. Нам даже ногами отталкиваться было не надо: мы неслись вниз по инерции, колесики под моими лопатками крутились как заведенные, девушка на мне ерзала, ветер свистел в ушах, и Брно гудело так, словно лежало не в междуречье Свратки и Свитава, а на дне тибетской поющей чаши.

Когда мы миновали больницу Святой Анны, меня стало одолевало беспокойство, знакомое во сне любому водителю: как же нам останавливаться на светофорах, если у нас нет тормозов? Но, к счастью, впереди зажегся зеленый; мы для верности прибавили скорость, проскочили перекресток и достигли кульминации на площади Менделя, свернув с дороги в какую-то кучу песка во дворе августинианского аббатства. Моя запыхавшаяся пассажирка принялась щекотать мне ребра, и от смеха я проснулся.

Какой смысл вставать, если главные события дня уже случились?

В то время я жил в квартире на Пелликовой улице. В престижном, так сказать, месте. Окна кухни выходили на зеленый склон холма Шпильберк, а из комнаты – единственной, но зато просторной – открывался вид на сад и на Старый город; вдобавок в хорошую погоду вдали просматривалось трехгорье Палавы. Это окно с широченным подоконником, где можно было, развалившись, читать, занимало всю стену, а напротив него располагался книжный шкаф. Точнее, два диковинных книжных шкафа, которые мне удалось выволить из одной комиссионки

на улице Цейл, – оба со скругленным верхом, похожие на двух белых китов: один – с зеркалом, удваивавшим пространство комнаты, другой – с дверцами такого замысловатого плетения, что рябило в глазах. Кроме того, в комнате были кровать и компьютерный стол, а на полу – белый шерстяной ковер, который, по словам продавца, должен был линять только первые две недели, но почему-то так и не бросил это дело. “На этом ковре он трахает своих девушек”, – однажды шепнул мой отец своей матери, стараясь, чтобы я его не услышал. Да, все верно, его мать приходилась мне, как уж это водится в семьях, бабушкой. Она взглянула на меня вопросительно, а я почти незаметно покачал головой. Мне не хотелось объяснять ей, что будь оно так, мы с девушкой превратились бы в подобие белых мохнатых медведей. А главное – не было у меня никакой девушки.

Папе скорее следовало показать на компьютер и сказать: “Вот тут он сидит и пишет, как трахает на этом ковре своих девушек”. Но даже и тогда он был бы прав только наполовину. В ту пору я писал в основном эссе для разных журналов и мудреные социологические статьи, которые моя требовательная аспирантура поглощала, как удав – белых мышек.

Я все-таки выбрался из постели и отправился на кухню заварить чай. Апрель был в самом разгаре, и на улице весна уже устроила свой яркий и душистый карнавал. Напротив дома, на Шпильберке, цвела сирень, и молодая флуоресцирующая листва обрамляла, будто обведя их маркером, ветвящиеся схемы кустов.

Пока чай настаивался, я решил ненадолго заглянуть на работу, в издательство. В то время оно обитало в старом кирпичном здании, которое находилось на улице Радлас, в так называемом “бренском Бронксе”².

Мой путь лежал через центр города; в голове у меня все еще слабо отдавалось гудение, услышанное во сне. Стоило мне оказаться в Бронксе, как я тут же начал наткаться на кучки подростков, которые шатались по улицам вместо того, чтобы сидеть в школе, – хотя какая там школа, когда на дворе весна; цыганские матроны высовывались из окон и, бранясь, перекрикивались через дорогу, но, может быть, эта ругань лишь чудилась моим белым ушам, а на самом деле цыганки просто строили общие планы на вечер. Бронкс был одним из немногих мест в Брно, где все буквально жили на улице. Здесь постоянно что-то происходило; правда, иногда бывало не совсем ясно, что именно. Однажды тут объявился черный “мерседес”, и выскочившие из него четверо парней в брендовой одежде кинулись всей кучей в телефонную будку и принялись беспорядочно стучать по кнопкам; казалось, будто им срочно нужно выбраться из матрицы, – впрочем, их-то я как раз понимал. Или взять еще тот роскошный лимузин, который остановился как-то у обочины и из которого вышел человек в светоотражающем жилете работника коммунальной службы. Когда багажник вальяжно открылся, мужчина извлек оттуда не оскверненную пылью метлу и принялся неторопливо подметать тротуар; машина же так и стояла на аварийке. Ему что, назначили наказание в виде исправительных работ? Что он такого натворил? По утрам я обычно становился свидетелем одной и той же сцены: две маленькие облезлые собачонки на коротких поводках визжат на всю улицу и бросаются друг на друга, а мужчины, их выгуливающие, преспокойно курят и обсуждают результаты матчей. Что поделаешь, старые собачьи склоки, читалось в их невозмутимых взглядах.

Тем утром поводки перекрутились не на шутку, и я подумал – до чего же непросто будет их распутать! А главное: что станет делать вторая собака, когда первая околеет?

В ту пору редакция издательства представляла собой лабиринт невзрачных кабинетов. Свой я выкрасил в бирюзовый цвет, а на стенах развесил черно-белые фотографии танцующих, размытых в движении; эх, мои старые призрачные любви. Из окна открывался вид на полосатую фабричную трубу и заброшенное промышленное здание с чугунными оконными пере-

² ...на улице Радлас, в так называемом “бренском Бронксе”. – “Бронксом” жители Брно называют район на северо-востоке от центра города между улицами Цейл и Французская, где во второй половине XX века возникло цыганское гетто.

плетами, внутри которого мое берлинское воображение рисовало лофты, музыкальные клубы, репетиционные залы и бог знает что еще.

Я включил компьютер и, пока операционная система переговаривалась сама с собой, отправился на кухню в очередной раз заварить себе чай. Там я обнаружил Мирека, пытавшегося убедить кофемашину налить ему хоть что-нибудь.

– Ну как, прочел рукопись Балабана³? – спросил я.

Ян Балабан по прошествии многих лет написал роман, лишь второй по счету, и все мы сгорали от любопытства.

– Он ее забрал, там есть еще над чем поработать, – ответил Мирек и стукнул утомленную кофемашину кулаком в бок.

– И как тебе?

– Начинается в приюте для собак – кончается в приюте для собак, – пожал плечами Мирек. – Я тебе потом пришлю.

Из кофемашины вдруг вытекло нечто, мало похожее на кофе.

– Эта рухлядь себе промывку решила устроить?! – изумился Мирек. – Издевается, что ли?!

– На твоём месте я бы убрал кружку. А как он его назвал-то, свой новый роман?

– То ли “Спроси у отца”, то ли “Спроси у папы”, – ответил Мирек, выплескивая из рекламной кружки какой-то типографии коричневую жижу; кофемашинка тем временем продолжала давиться застрявшими кофейными крупичками. – Тебе как больше нравится? Он, правда, чужих советов не слушает, но все-таки.

– “У папы”.

– Мне тоже. Но ему больше нравится “отца”, это, мол, придает многозначности. Ну, типа “у Отца Небесного”. Хотя книга, конечно, о его папе. Ладно, посмотрим, – закончил Мирек своей любимой фразой, которая означала, что решение отодвигается на неопределенный срок.

Между тем компьютер, пытаясь, загрузился. Я тогда только-только зарегистрировался в Фейсбуке и ко мне то и дело стучались в друзья. Я еще пытался держать свой аккаунт под контролем: отклонял запросы от незнакомых личностей, если, конечно, это не были незнакомые девушки, или, по крайней мере, пытался выяснить, что это за люди. Будучи новобранцем, я не успел еще выработать в себе зависимость от этой синей вселенной и потому быстро закрыл Фейсбук, открыл пустой “ворд” и до самого обеда перепечатывал интервью с Владимиром Микешем, переводчиком “Божественной комедии”, которое записал неделю назад.

* * *

В те годы на Цейле имелся вегетарианский ресторан. Долго он там не протянул, видимо, потому, что на его вывеске стояли рядом два слишком длинных слова. Похожая судьба ожидала кофейню, которая позиционировала себя при помощи слогана “Хороший кофе в плохом районе”, – но даже эта шутка не помогла ей выжить.

Я сбежал по лестнице в полуподвал, где располагалось тогда “Вегалите”. Романа еще не было. Мы с ним частенько обедали вместе: когда-то учились в одной гимназии, а недавно он начал встречаться с моей подругой из Академии Яначека – вот пазл и сложился.

Дело в том, что помимо социологии я изучал еще и театральную драматургию в Академии музыкальных и сценических искусств имени Яначека. Это такое учебное заведение, куда двадцатилетний актер мог заявиться после ночи, проведенной в знаменитом круглосуточном

³ Ян Балабан (1961–2010) – чешский прозаик, автор экзистенциальных рассказов и двух романов, почти всю жизнь проживший в городе Острава.

баре по соседству, и, рыгнув, возгласить: “А теперь слушайте меня, вы, ублюдки: однажды нам всем придется отвечать за свою преждевременную смерть”.

– Ярда, что ты опять несешь?

– Я?! Ну ты и козел! Это же Антонен Арто...

– Что, правда?

В общем, моя первая альма-матер и Академия кое-чем разнились. Если на социологическом факультете возвращали критическое мышление и пожинали интеллектуальный скепсис, то на театральном “воспитывали творческих личностей”, как бесхитростно выразился в самом начале нашей учебы один из преподавателей.

Это воспитание имело, естественно, свою специфику, заключавшуюся прежде всего в том, что воспитывать творческую личность могла только другая творческая личность; ученик получал посвящение от учителя, как в тибетском буддизме. От факультета социологии Академия отличалась чуть более свободным духом и намного более индивидуальным подходом, хотя воспринять эти добродетели удавалось не всем. Как ни парадоксально, главная трудность состояла в том, что из некоторых адептов творческие личности вылуплялись слишком быстро, как попкорн из кукурузных зерен в микроволновке. Так что буквально в начале второго курса не в одной студии приходилось поднимать потолки, чтобы этим личностям хватало там места и не приходилось горбиться.

Процесс обучения в Академии в общем-то сводился к эпизодическому подбору крох святости со стола безумца.

Например, изредка у нас объявлялся русский режиссер, настоящий богатырь, который всю жизнь разъезжал между Москвой и Петербургом, а теперь, прямо как Наполеон на Эльбу, оказался временно сослан в Брно⁴. Первым делом он запрещал студенткам ходить на занятия в джинсах и кедах, потому что актриса прежде всего должна быть красивой, так что на будущее – только платье и туфли на каблуке. Введя эти ограничительные меры, от которых мои прошаренные друзья с отделения гендерных исследований пришли бы в неопишувемый ужас, он пускался репетировать с нами Достоевского, куря одну за другой прямо в аудитории сигареты и рассуждая о том, что значит ставить Федора Михайловича в мире без Бога. Непосвященному могло показаться, что это значит непрерывно курить и бросать на местную версию Настасьи Филипповны пылкие взгляды, которые при всем старании нельзя было счесть режиссерскими указаниями. Но именно в этом-то и состояло преимущество Академии. Здесь все еще задавались по-настоящему важными вопросами, уже не интересовавшими социологию; правда, платой за это была терпимость ко всяким побочным эффектам, сопровождавшим безуспешные поиски ответов на те самые вопросы, – к болезненному нарциссизму, разнообразным пагубным привычкам, хронической депрессии, а в более легких случаях – к несносному самодовольству и неискоренимой бестактности. Прямо-таки сборная Парнаса в привычном основном составе.

В этом смысле сильное впечатление произвел на меня один семинар, который – так уж получилось – тоже вела режиссер из России. Дама с волосами цвета воронова крыла со скрипом поднималась по деревянным ступеням в наше гнездо, пристроившееся под самой крышей, села на обшарпанный стул, задумчиво поглядела на верхушки церковных шпилей и произнесла: “По-настоящему изменить человека могут только любовь и смерть. Слышите, дети? Любовь

⁴ ...изредка у нас объявлялся русский режиссер, настоящий богатырь, который всю жизнь разъезжал между Москвой и Петербургом, а теперь, прямо как Наполеон на Эльбу, оказался временно сослан в Брно. – По всей видимости, речь идет о Сергее Федотове (род. 1961), с 1998 года регулярно приезжавшем в Чехию как приглашенный режиссер и преподававшим на театральных факультетах в Праге и Брно. В 2003 году Федотов поставил “Идиота” Достоевского на сцене остравского Театра имени Петра Безруча (Люция Жачкова, сыгравшая в этом спектакле Настасью Филипповну, была удостоена престижной театральной премии Альфреда Радока в номинации “Талант года”). Федотов, очевидно, стал прототипом еще одного литературного героя: в рассказе “Русский человек” (*Ruský člověk*) из дебютного прозаического сборника Яна Немеца “Этюд в четыре руки” (*Hra pro čtyři ruce*) тоже появляется русский театральный режиссер (на этот раз названный по имени – Сергей), который ставит со студентами “Идиота”.

и смерть – ничто другое вас не изменит. Ни о чем другом и говорить не стоит. Лишь любовь и смерть – уж поверьте”. После этого глаза ее наполнились слезами, и пара, которая длилась всего несколько минут, завершилась.

Наконец дверь распахнулась и Роман плюхнулся на стул напротив меня.

Сорри, у меня сегодня была инспекция. Ты уже заказал?

– Тебя ждал.

– Решил, что будешь? – спросил он, погружившись в меню.

– Не знаю, или вегетарианский шашлык, или, может, фалафель.

– Я буду шашлык, – объявил он. – Ну что, ты на сегодня все?

– Да вроде да. Я интервью перепечатаваю, этим и дома можно заняться. А ты?

– Надо бы отчет написать. Опять пластиковые окна там, где можно было отреставрировать деревянные, – ответил он, недовольно покачав головой.

Роман выучился одновременно на архитектора и на юриста. Теперь он работал за смешную зарплату в комитете по охране памятников и вел нескончаемый бой с новоделом, визуальными загрязнениями и огороженными террасами кафе, выставленными зеленым ковролином.

– Ты лучше скажи, как там Ева? – спросил я о своей бывшей сокурснице и новой девушке Романа. – С тех пор, как вы начали встречаться, я о ней ничего не знаю.

– Она все еще в Польше, премьера через пару недель. Надеется, что мы с тобой опять приедем.

– Ну, и как у нее дела?

– Мы созваниваемся ночью по Скайпу, раньше она не может, – пожал он плечами. – Слушай, она и в Академии такой была?

Мне не хотелось рассказывать Роману, какой была Ева в годы студенчества. Мы с ней даже жили вместе одно время, и я знал, каково это – ждать до полуночи, пока она ненадолго освободится.

– Твоя девушка в двадцать шесть лет работает в Польше режиссером Национального театра, тебе грех жаловаться, – упрекнул я его. – И по Скайпу, кстати, сейчас чем только не занимают, вы бы тоже могли поэкспериментировать.

Роман ухмыльнулся, а мне вдруг вспомнилось:

– Слушай, я сегодня такой сон видел...

– Чемодан на колесиках, который прямо на улице оседлала рыжая незнакомка, – да, такое нечасто показывают.

– Весна, что поделаешь. А главное – вокруг нас все так и пело! Настоящая *harmonia urbis*!

Мы оба закончили классическую гимназию и из восьми проведенных там лет семь изучали латинский язык, так что теперь могли общаться на латыни даже в вегетарианском ресторане посреди брэннского Бронкса.

– Где-то в семидесятых как раз на Пекаржской ушла под землю целая трамвайная остановка вместе с людьми, – сообщил Роман. – Понятно, почему ты услышал эту музыку, там же внизу сплошные пустоты. Странно, правда, что ты не разобрал воплей женщины, которая тогда погибла.

– Серьезно, что ли? – удивился я, прожевав кусок.

– Да это же самое знаменитое местное предание – ну, вернее, городская легенда. В общем, остановка провалилась прямо напротив больницы. Люди ждут себе трамвая, а тут – бац! – и под ними разверзается пропасть. Туда угодили мужчина и женщина, мужчину пожарники вытащили, а женщина исчезла. Ну, не было ее в этой трясине. Засосало, короче. Там вырыли восьмиметровую яму – и все равно никаких следов. Останки нижней части тела нашли где-то в начале девяностых, когда разгребали нелегальную свалку возле слива в реку. А чуть позже на берегу Свитавы обнаружили череп.

– Это что, страшилка такая?

– *True story*, – ухмыльнулся Роман. – Нижнюю часть тела даже удалось идентифицировать. Если я правильно помню, по брюкам со странными вставками между штанинами, – продолжал он, не обращая внимания на мой недоверчивый взгляд. – Погибшая была женщиной в теле, и ее муж вспомнил, что ей приходилось вшивать в брюки специальные клинья.

– То есть мы с тобой за обедом обсуждаем женщину, которая провалилась под землю и вшивала клинья между ног? – уточнил я.

– Ну да. Вот по этим необычным штанам ее и опознали.

– А на том черепе, что нашли на берегу Свитава, сохранилась рыжая прядь, накрученная на бигуди...

– Об этом не слышал, – ответил Роман, скомкав салфетку и бросив ее на тарелку.

Мы вышли на улицу, на резкое апрельское солнце, и зажмурились. Не успели еще наши глаза, ослепленные ярким светом, к нему привыкнуть, как мимо нас проехала на самокате девушка, чьи голени были похожи на двух рыб.

– Я уж и не помню, когда в последний раз видел на Цейле такую красоту, – заметил Роман.

Мы вместе дошли до центра и распрощались возле Библиотеки имени Магена. Роман отправился писать свой отчет о состоянии мира, в котором деревянные окна заменяются на пластиковые, потому что производить новое дешевле, чем ремонтировать старое. А мне вдруг захотелось зайти в библиотеку и подняться в музыкальный отдел. Это был настоящий оазис посреди города, место, где можно на несколько часов уединиться в наушниках, – а весь мир тем временем пускай себе вертится как сумасшедший, раз ему так нравится; хотя я бы на его месте давно бросил это занятие. Обычно я набирал по пять-десять альбомов в зависимости от настроения и, опустившись в винтажное кресло, надевал большие студийные наушники. В тот раз мне под руку попался новый альбом американского “Кронос-квартета” – лиричные аранжировки песен из болливудских фильмов; заодно я взял и несколько других их дисков.

Я как раз слушал струнные квартеты Альфреда Шнитке, когда на телефоне, лежащем рядом с проигрывателем, высветилось сообщение. “Кронос” играл Шнитке настолько неистово, что я подумал, а нельзя ли смычком подгонять скаковую лошадь на финишной прямой? – и тут же прочел: *Может, ты уже знаешь – Ян Балабан умер*. И когда я во второй раз прочел сообщение, там было то же самое: *Может, ты уже знаешь – Ян Балабан умер*. И в третий раз тоже.

девушка застрелила бойфренда, чтобы снять видео на YouTube

iDnes.cz, 20 декабря 2017, 16:04

20-летняя американка из штата Миннесота в погоне за интернет-славой выстрелила в грудь своему бойфренду. Тот держал перед собой книгу.

Инцидент произошел в июне этого года. Монализа Перес из города Холстад в Миннесоте застрелила Педро Руиса, отца ее двоих детей, из золотого крупнокалиберного пистолета Desert Eagle. Пара рассчитывала, что пуля не пробьет книгу, которую Педро держал перед собой. Эта ошибка стоила Руису жизни. Как сообщает The New York Times, 22-летний молодой человек скончался на месте.

По словам Перес, выстрел был совершен с расстояния примерно в 30 сантиметров. Толщина книги составляла чуть меньше 4 сантиметров. Девушка призналась, что поддалась на уговоры после того, как Руис показал ей другую книгу, в которую выстрелил накануне. В первый раз пуля насквозь не прошла.

За несколько часов до инцидента Перес написала в Twitter: «Мы с Педро собираемся снять одно из самых опасных видео за всю историю. Это его идея, а не моя».

Пара вела свой YouTube-канал, куда выкладывала пранки, обычно безобидные. На одном из видео Руис залезает на дерево и падает. На другом Монализа предлагает своему бойфренду пончик, посыпанный детским тальком вместо сахарной пудры. Тетя Руиса сообщила журналистам, что пара искала популярности, поэтому снимала все более безумные ролики.

На судебном заседании, состоявшемся в пятницу, Монализа Перес признала свою вину. Согласно американскому источнику, девушка, в соответствии с досудебным соглашением, может провести полгода в тюрьме и 10 лет будет находиться под административным надзором. Кроме того, ее могут пожизненно лишить права владеть огнестрельным оружием. Окончательный приговор будет вынесен в феврале. Максимальный срок наказания предусматривает 10 лет лишения свободы.

«Не знаю, о чем они думали. Я не понимаю это стремление молодого поколения ухватить свои пятнадцать минут славы», – прокомментировал случившееся Джереми Торнтон, шериф округа, где произошел инцидент.

* * *

Несмотря на все старания, мне так и не удалось выяснить, какая именно книга не смогла спасти Педро Руиса от смерти. Известно только, что толщиной она была чуть меньше четырех сантиметров, значит, если плотность бумаги составляла стандартные 80 г/м^2 , то в книге было около четырехсот страниц⁵. Военный роман? Сборник духовных песнопений? Притчи царя Соломона? Комикс? Мы даже не знаем, была ли она в твердом переплете или в мягкой обложке, не слишком уместной для подобного эксперимента. Тем не менее автор *вот этого вот* романа забеспокоился и решил из соображений безопасности включить в него несколько лишних глав, в общем-то не представляющих никакой особой ценности, – и перед вами как раз одна из них. Согласно прогнозу компьютерной модели, пуля, выпущенная любимым существом из круп-

⁵ Известно только, что толщиной она была чуть меньше четырех сантиметров, значит, если плотность бумаги составляла стандартные 80 г/м^2 , то в книге было около четырехсот страниц. – Толщина листа офсетной бумаги плотностью 80 г/м^2 составляет 0,1–0,11 мм, значит, в книге, по всей видимости, было чуть меньше четырехсот листов, то есть семьсот-восемьсот страниц, а не четырехста, как предполагает автор.

нокалиберного пистолета указанной марки, должна застрять в последних страницах книги. В процессе лабораторных экспериментов пуля повредила задний переплет только в трех случаях из ста и только в одном случае достигла груди волонтерки из числа книжных блогеров. Рана была поверхностной, блогерша сфотографировала ее несколько раз на свой айфон, после чего сотрудники издательства оказали девушке первую помощь.

В моей душе расцвел бутон

Впервые я встретил Нину в день похорон Яна Балабана.

Последний апрельский день 2010 года выдался необычайно ясным. Когда утром я торопился на поезд, небо уже казалось выкроенным из цельного полотна голубого атласа. Это абсолютно не сочеталось – атомный взрыв весны, опаливший светом лица прохожих, и смерть Балабана. Похороны отделяла от нее ровно неделя. Она прошла в какой-то суете и тревоге, от которой я не избавился даже тогда, когда взирал в окно купе на склады и свалки, составляющие пейзаж предместий.

В один из дней той беспокойной и бездарной недели я сидел в аспирантском кабинете на факультете социологии, тупо уставившись в экран компьютера. Из электронного тумана наплывал на меня JSTOR, продукт международного академического сотрудничества, задуманный, по-моему, в Принстоне и постепенно распространивший свои благодеяния на университеты второго, третьего и прочих миров. Задаешь в строке поиска, скажем, *social action theory* – и база данных мгновенно выдает тебе список релевантных текстов за последние сто лет. Остается только спросить себя: есть ли смысл добавлять к этому списку что-то еще?

Меня не особо радовало, что от экрана издательского компьютера я перехожу к экрану компьютера в аспирантском кабинете, что на обоих экранах у меня одновременно открыто десять вкладок и что в этом и состоит, по сути дела, моя работа. Я чем дальше, тем больше чувствовал себя Великим Компилятором. С тех пор как компьютер, подключенный к интернету, стал основным рабочим инструментом на подавляющем большинстве кафедр, во многих научных сферах поселилась иллюзия, будто новые знания зарождаются исключительно *in vitro*. Неудивительно, что жалюзи в нашем кабинете для аспирантов почти всегда были опущены. Нам, молодым социологам, совершенно не нужно было знать, что происходит снаружи, к тому же из-за солнечного света экраны бликовали. Большинство аспирантов что-то заполняло в вечно голодной информационной системе университета или листало Фейсбук. Тогда все еще думали, будто Фейсбук – это место для тупой прокрастинации, не догадываясь, что именно там зарождаются их блестящие карьеры политических комментаторов, консультантов по маркетингу или инфлюенсеров.

С самого начала было понятно, что большинство из нас не задержится надолго в этом кабинете с закрытыми жалюзи. Аспирантской стипендии хватало примерно на неделю, поэтому все где-то так или иначе подрабатывали. Те, кто вовремя бросил аспирантуру, пользовались на бирже труда преимуществом: им не надо было в будущем доплачивать за степень.

Я просматривал JSTOR ради того, чтобы написать доклад для конференции. На тему социального протеста в цифровую эпоху. В новом окне я открыл свою статью на аналогичную тему:

Critical Art Ensemble (CAE) – это группа, состоящая из пяти художников, цель которых – поддержание и развитие моделей культурного сопротивления в цифровую эпоху, перераспределения механизмов власти и развития биотехнологий как радикального эксперимента по системной колонизации человеческого тела, до сих пор неприкосновенного в своей биологической природе. CAE очевидным образом основывается на положениях критической социологии второй половины XX века и, в отличие от прочих протестных движений, занимается не только практическими, но и теоретическими вопросами.

Интерес к цифровым технологиям в случае CAE базируется не столько на технократическом подходе, сколько на убежденности, что подобные

технологии меняют как устройство властных структур и характер коммуникации внутри них, так и сами структуры в целом. Более того, САЕ предполагает, что перераспределение власти, которая утрачивает свою функцию в киберпространстве, чтобы, подобно подземному ключу, забить в новом месте, принципиально влияет на характер стратегий протеста...

И так далее.

Я заблокировал экран компьютера и вышел прогуляться по галерее, опоясывающей атриум. Внизу как раз проходило какое-то мероприятие и стоял гул, как в улье. Собственно все это здание было истинным домом трудолюбия. Каждый спешил куда-то по своим делам, люди в коридорах вежливо здоровались друг с другом, иногда даже обращаясь по имени, но почти не останавливались. Все встречи здесь назначались заранее, будь то заседание кафедры или собрание студенческих проектных групп, которые рассаживались за круглыми столиками в атриуме.

В этих проектных группах неизменно встречались одни и те же типажи. Студентка психологии анорексичного вида с рюкзаком, усыпанным значками, сохранившимися еще со средних классов школы и позволяющими восстановить короткий путь интеллектуального развития их владелицы. Солидно одетый студент международных отношений с портфелем, повесивший свой пиджак на спинку стула, – студент, который раньше остальных понял, что мир в итоге принадлежит тем, кто позабыл чувство неловкости. Социологи, явно знакомые с классическим трудом Георга Зиммеля “Философия моды” и намеренно одевавшиеся так, чтобы ничего о себе не сообщать; хотя, возможно, они выбирали себе безликую одежду неосознанно, от стыда перед четырнадцатилетними рабочими бангладешских текстильных фабрик. Студенты гуманитарной энвайронники с деревянными браслетами на запястьях, в толстых свитерах, связанных какой-нибудь старушкой, живущей на границе Моравии и Словакии, с ноутбуками, облепленными логотипами “Гринписа” и “Эмнести интернешнл”. И наконец, шумные журналисты, у которых даже футболки – и те с надписями, потому что там, где не выражено какое-то мнение или позиция, место пропадает зря.

Это все, конечно, стереотипы, но нужно же было на что-то опираться. Впрочем, даже вооружившись стереотипами, я не очень понимал, кто такие эти двадцатилетние. У них не было никакого общего опыта, который бы их объединял и определял. Естественно, они пользовались одними и теми же гаджетами, имели аккаунты в соцсетях, вели более или менее одинаковый образ жизни, но все это скорее формировало их внешнее сходство и заражало нарциссизмом малых различий, как выразился где-то Фрейд.

Я был старше их лет на восемь – вполне достаточно для того, чтобы чувствовать себя представителем другого поколения, хотя между ними и мной не было принципиальной разницы.

Я дважды обошел атриум и, взяв кофе в автомате, вернулся к компьютеру. Под клавиатурой лежали материалы для просеминара, который мне как аспиранту приходилось вести. На этой неделе мы разбирали Фуко. Среди студентов был один незрячий. И когда я спросил, почему иногда интереснее изучать знание о какой-то вещи, чем саму вещь, именно этот студент ответил: “Потому что наше знание о вещи – это и есть ее сущность”.

В рамках семинара о Фуко это было прекрасное замечание, но теперь, сидя в поезде, который вез меня на похороны Балабана, я вспомнил те слова и усмехнулся: когда в жизни случаются действительно серьезные вещи, им все равно, что мы о них думаем.

* * *

До похорон в Остраве мне еще предстояло выступить на каком-то семинаре творческого письма в оломоуцком университете. Когда я сошел с поезда на вокзале в Оломоуце, утро все еще не кончилось. Пассажиры устремлялись по подземному коридору в сторону вокзального вестибюля и оказывались лицом к лицу с теми, кто стоял перед табло отправления и караулил, пока высветится номер их платформы. Со стороны могло показаться, что это такая игра в “гуси-лебеди”, а обе команды здесь – только лишь друг друга ради. Впрочем, прибывшие быстро миновали ожидающих и выпорхнули наружу, провожаемые равнодушными взглядами голубей, примостившихся под крышей внутри вокзала.

Я направился на кафедру богемистики. *В моей душе расцвел бутон, и мир вдруг стал похож на сон*, – гласила выведенная черным маркером по белому кафелю надпись, которую я прочел, справляя нужду перед тем, как идти на семинар.

В аудитории за столами, составленными буквой “П”, сидело человек пятнадцать студентов – в основном первокурсники и второкурсники. Пока преподаватель меня представлял, я раскладывал на кафедре книги и распечатки студенческих рассказов и оглядывал собравшихся. Большинство девушки, но было и несколько парней, которые на первый взгляд вполне соответствовали привычному, слегка уже замусоленному представлению о слушателе филологического факультета. Студентки выглядели скорее как школьницы, чем как женщины, вступающие во взрослую жизнь, их внутренний мир еще не отразился на их лицах, да и внешний не успел оставить там особой печати. Одна девушка была хрупкая и тощая, с колечками кудряшек, благодаря которым она занимала чуть больше места в пространстве; другая чересчур увлекалась черным цветом разной степени застиранности. Справа от кафедры сидела блондинка в красной футболке и с диковатым каре – спереди волосы были намного длиннее, чем сзади, так что по плечам ее скользили два острых угла. Помимо нее мое внимание привлек еще парень с умным, несколько ироничным взглядом, в футболке с надписью *Eat pussy not animals*.

Преподаватель упомянул, что мой сборник рассказов “Этюд в четыре руки” был недавно номинирован на премию Иржи Ортена⁶. Блондинка трубно зевнула, словно в жизни нет ничего скучнее “молодого писателя, который ради нас проделал такой путь”, как торжественно заявил профессор.

Рассказы, прилетевшие накануне мне на почту, за одним-двумя исключениями ничего из себя не представляли. Парочка жутких автокатастроф, немного секса и случившееся в оломоуцкой церкви чудо, суть и смысл которого так и остались невыясненными. Хотя тексты эти писали богемисты, в них собралась богатая коллекция орфографических ошибок, а стиль сочинений не раз заставлял меня подозревать, что возникло какое-то недоразумение и я получил на почту домашние задания по чешскому как иностранному.

И все-таки мне было любопытно, кто из студентов какой рассказ написал, и я исподволь соотносил лица с текстами. Каждый из них я коротко комментировал, и временами из этого рождалась вымученная дискуссия. Широко зевнувшая блондинка оправдала мои ожидания: она действительно оказалась самой языкастой.

По крайней мере так было до тех пор, пока не дошла очередь до ее рассказа.

– У меня было мало времени, – сообщила она, прежде чем я успел что-то сказать. – Я писала это в последний момент.

Мне сразу вспомнился ее мейл.

⁶ ...мой сборник рассказов “Этюд в четыре руки” был недавно номинирован на премию Иржи Ортена. – Литературная премия Иржи Ортена вручается в Чехии авторам моложе тридцати лет.

– Ага, так значит, это вы отправили мне письмо без темы, без обращения, без текста и без подписи. Видимо, все силы ушли на рассказ?

– Еле-еле смогла вложение прикрепить, – ответила блондинка, и по аудитории пронесся смех.

В рассказе говорилось об обиде, нанесенной героине учительницей гимназии; правда, там еще и отец замешался. Взяв эти две страницы, я прочитал свой накарябанный внизу комментарий: *ТЕКСТ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ, МЕСТАМИ ДАЖЕ САМОБЫТНЫЙ, НО ХАЛТУРНЫЙ*.

– Когда я читал, мне показалось, что вы описываете реальный случай, произошедший с вами, – закинул я удочку.

– Не парьтесь, – ответила она. – Я вообще записалась на этот курс только потому, что здесь можно кредиты на халяву получить. Так мне сказали.

Я с любопытством поглядел на преподавателя. Тот, откашлявшись, произнес:

– Но я рад, что вы с нами.

Еще бы вы не радовались, говорил ее взгляд; я, по крайней мере, расшифровал его именно так.

– И все-таки, – попытался я зайти с другой стороны, – в вашем рассказе что-то есть, хотя и видно, что он скроен наспех. Мне показалось интересным ваше внимание к рассказчице. Помоему, вы хотите этим что-то сообщить. Посвяти вы работе чуть больше времени, может, вы и сами бы поняли, что именно намеревались сказать. И тогда смысл рассказа открылся бы и читателю.

Она пожала плечами и неохотно кивнула.

Я решил немного ее помучить:

– Ну а теперь вам все-таки придется сформулировать, о чем конкретно вы написали рассказ.

– Да чего тут формулировать, – ответила она и едва ли не устало подперла лицо ладонями. А может, просто почувствовала, что на щеках выступает румянец, и захотела его спрятать? – Это как если бы вы у меня спросили, что хотел сказать автор. Так ведь уже сто лет не делают.

Я заглянул в распечатку, чтобы освежить в памяти имя студентки.

– Ну и как же, Нина, по-вашему, следует делать?

– Понятия не имею. Кстати, а не могли бы вы объяснить, например, разницу между сюжетом и фабулой? – спросила она, и несколько богемисток засмеялось. – Это у многих любимая тема.

Я пробежался по оставшимся работам (оказалось, что чудо в оломоуцкой церкви лежит на совести русского танка⁷) и, наконец, подобрался к самому главному.

– Вообще-то я здесь проездом, – сказал я, взяв в руки книгу в зеленой суперобложке. – Дальше я еду в Оставу на похороны Яна Балабана, который тоже когда-то изучал богемистику в Оломоуце. И, кстати, именно здесь он написал свои первые рассказы.

Студенты притихли.

– Кто-то из вас читал Балабана?

Поднялась одна рука, потом ее нерешительно поддержала вторая; впрочем, обе они принадлежали парню с умными глазами.

– Значит, сейчас мы это исправим. Сначала я планировал читать вам что-то свое, но сегодня все наше внимание Балабану. Я выбрал рассказ из сборника “Мы, наверное, уходим”.

Я нашел страницу пятьдесят шесть, на которой начинался рассказ *Pyrhula pyrhula*⁸. Выйдя из-за кафедры, я обвел взглядом аудиторию, а потом принялся читать: *Поднимаясь на*

⁷ ...чудо в оломоуцкой церкви лежит на совести русского танка. – На территории Оломоуца с 1968 по 1991 год располагались части советской Центральной группы войск. Видимо, поэтому в одном из студенческих рассказов фигурирует “русский танк”.

⁸ ...рассказ *Pyrhula pyrhula*. – *Pyrrhula pyrrhula* – латинское название снегиря обыкновенного, но у Балабана оно пишется

перевал, он с трудом переводил дух. Косогор, поросший желтой травой, был настолько крутым, что он легко бы коснулся тропы, чуть наклонившись вперед. С каждым шагом он оказывался все выше, как будто взбирался по трапу или стремянке.

Время от времени я отрывал взгляд от книги, стараясь уловить настроение в аудитории. Когда я в очередной раз поднял глаза и посмотрел на блондинку с диковатым каре, то заметил, что она разглядывает мое колено, где на джинсах у меня была небольшая дырка. Наверное, она думает, с какой это стати я еду на похороны с рваным коленом. Я и сам, одеваясь утром, зацепился взглядом за эту дырку. Ладно, сказал я тогда себе, Балабан ведь тоже не в костюме ходил. Но чужой взгляд не похож на собственный, и дырка вдруг раззуделась.

– Знаете ли вы, почему рассказ называется *Pyrhula pyrhula*? – спросил я после того, как закончил читать и в аудитории воцарилась тишина.

– Потому что это латинское название снегиря, который там упоминается, – ответил кто-то.

Мне самому пришлось специально это выяснять, и я не ожидал, что получу правильный ответ.

– Что ж, теперь я не знаю, кому вручать главный приз – автору лучшего рассказа или вам за исключительные среди богемистов познания в области орнитологии.

– Одному дайте вашу книгу, а другому – Балабана, – подала голос блондинка.

– Неплохая идея, – сказал я. – Но в таком случае у меня ничего не останется для вас...

– А я ничего и не заслужила, – возразила она. – Возьму потом почитать.

– “Этюд в четыре руки” или Балабана?

– Там видно будет, – ответила она неопределенно и вместе с остальными начала собирать вещи.

Когда она выходила из аудитории, я проводил ее взглядом, но она так и не обернулась. Сверкнула в дверях своей красной футболкой – и была такова.

* * *

Перед зданием факультета меня уже ждала машина с коллегами из редакции. Дорога, ведущая на север, была пустой и стремительной. Мы говорили о том, как быть с последней рукописью Балабана, и о том, что надо бы выпустить собрание его сочинений.

Спустя час мы припарковались у отеля “Империял” и решили, что дальше к Евангелической церкви Христа на площади Яна Гуса пойдем пешком. Я достал из багажника погребальный венок и накинул его на плечо, как лямку рюкзака.

Острада в пятницу после обеда уже расслабилась в ожидании выходных, и никто из прохожих, казалось, не проявлял к нам никакого интереса. Мы шли через центр, и я поймал себя на том, что сую перекинутый через плечо венок под нос всем встречным, чтобы они хотя бы прочитали надпись на ленте.

Впрочем, я же знал (именно благодаря Балабану), что Острада – равнодушный город.

У входа в церковь уже собирались люди. Некоторые затягивались последней перед церемонией сигаретой. Я взял венок в обе руки и, пройдя через неф, поставил его рядом с гробом из светлого дерева. Потом опустился на скамью и огляделся по сторонам. Слева сквозь высоко посаженные арочные окна проникали внутрь полосы света. За гробом, усыпанным цветами, сиял крест с непропорционально длинной вертикальной перекладиной. За ним горели электрические свечи; такие же свечи опоясывали люстру, свисавшую на длинной цепи над катафалком. Пресвитерий и неф разделяла арка, к которой, словно гнездо, лепилась кафедра. На арке

оранжевыми буквами была выведена цитата из “Послания к Евреям”: *Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же*.

Все мне казалось каким-то невыразительным. Достойным, но невыразительным. И только когда к гробу подошел сын Балабана, утопавший в плохо сидевшем на нем костюме (вполне возможно, отцовском), похороны обрели некий свой облик.

Петр Грушка сообщил присутствующим, что вот мы и здесь⁹.

Кто-то зачитал последнюю эсэмэску Балабана.

Пепа Клич сыграл на виолончели¹⁰.

И плоть стала словом, подумал я. Эту надпись можно выгравировать на могиле любого писателя. Но Балабану она подходит особенно.

“Нина, а ты-то что обо всем этом думаешь?” – неожиданно вспомнил я о ней прямо посреди церемонии. Потому что смерть смертью, но уже сегодня вечером я буду воображать, как ты упираешься своими длинными руками в кафельную стенку университетского туалета, а я стою сзади и приникаю к тебе.

Прежде чем закрыть глаза, ты увидишь эту надпись.

⁹ *Петр Грушка* (род. 1964) – остравский поэт, близкий друг Яна Балабана, редактор его посмертного собрания сочинений, выпущенного издательством “Гость” (*Host*)....сообщил присутствующим, что вот мы и здесь. – Петр Грушка в своей траурной речи намекает на название сборника рассказов Яна Балабана “Вот и мы” (*J sme tady*).

¹⁰ *Пепа Клич* (полное имя – Йозеф Клич, род. 1976) – чешский виолончелист, концертмейстер Национального театра в Брно, композитор, сотрудничавший с чешским музыкальным андеграундом.

первая глава

Я стоял перед своей участковой докторшей – та проводила профилактический осмотр. Мне было тогда лет одиннадцать. Проверку слуха и зрения я уже прошел и теперь разделся до пояса, чтобы врач могла посмотреть, как развиваются мои скелет и мышцы и послушать стетоскопом дыхание и сердце. Я дрожал от холода и с тревогой ждал, когда она заглянет мне в трусы, потому что на каждом профилактическом осмотре мальчикам профилактически заглядывали в трусы.

Врач механически делала свою работу и вдруг равнодушно спросила меня, как, видимо, спрашивала каждого пациента: “А кем ты хочешь стать?”

За все те годы, что я туда ходил, я сменил множество профессий, но запомнил лишь одну-единственную, как раз эту: “Я хочу стать философом”, – заявил я уверенно в свои одиннадцать лет. Врач взглянула на меня удивленно – она словно бы не ожидала, что осматриваемое ею детское тельце кому-то принадлежит, – но потом все равно взялась за резинку моих трусов, так, точно придвигала к себе неодушевленный предмет. “Яички опущены”, – сообщила она медсестре, проверив гнездо между моих ног; сестра внесла запись в карту, и теперь я два года мог развиваться спокойно.

“Такой шпингалет – и уже философ”, – смеялись обе эти женщины за дверью, пока мы с мамой одевались в приемной.

явленный мир

Что еще здесь осталось неизведанным? Я сижу на скамейке, на которой всегда тебя ждал, и стараюсь отыскать что-то, о чем могу рассказать только я. Приятно, конечно, подставлять лицо солнцу, но нет, это точно не погода, ведь погода соответствует прогнозу и метеорологическим моделям, так что описывать ее смысла нет. Прохожие пересекают площадь в разных направлениях¹¹; вот площадь я, пожалуй, мог бы запечатлеть, не будь она уже запечатлена – на кадастровых картах, на снимках, на пленке, причем во временной перспективе. Я мог бы описать фасады окружающих меня домов, но и для них уже готовы визуализации, архитектурные чертежи и всякие планы инженерных коммуникаций. Прямо передо мной – фонтан с опоясывающими его стихами Яна Скацеля, можно было бы процитировать их и даже декламировать, но они многожды напечатаны в других книгах. За моей спиной лает собака, которую кто-то ненадолго тут привязал, – так сказать, фрагмент природы, – но за последний год в мире было написано штук шестьсот диссертаций о собаках и еще около пяти тысяч научных статей. А уж о ребенке у фонтана даже упоминать не стоит: его миловидное личико являет собой поле битвы для экспертов, педиатров, развивающих психологов, педагогов, диетологов, юристов и образовательных консультантов, которые, используя родителей как копировальную бумагу, впечатывают свои знания в детское тело.

Все это, однако, – прежний старый мир, материальная основа, пень, лишь недавно поросший свежим цифровым лишайником. Разумеется, я мог бы рассказать о людях, но у каждого второго лежит в кармане смартфон, который знает о своем владельце более чем достаточно и отправляет информацию о собственном местонахождении сразу нескольким приложениям, а те по определенным алгоритмам связывают ее с другой – например, со сведениями о досуговых или сексуальных предпочтениях остальных пользователей платформы для знакомств. О каждом человеке имеется невероятный объем данных, к которым у него нет доступа. Люди в лучшем случае дают расплывчатое согласие на сбор и обработку этой информации, а уж проводятся они безо всякой расплывчатости. Настоящее помешательство на почве описаний, вокруг сплошные бинарные коды, списки скриптов и алгоритмы, которые пашут как проклятые, а не как та кучка рабочих, что стоят в сторонке, опираясь на лопаты и разглядывая проходящих мимо девушек. Потенциально треугольник этой площади уже запечатлен в исчерпывающем междисциплинарном исследовании – надо лишь умело скомбинировать данные или даже сразу написать программу, которая потом проделает то же самое со всеми площадями мира. Так оно и есть – я сижу на скамейке в центре идеально описанного пространства, и если бы я сидел на какой-либо другой скамейке в этом мире, ничего бы не изменилось. Это был ужасно длинный цивилизационный проект, начавшийся с изобретения письменности и закончившийся созданием *Web 3.0*, и на сегодняшний день транскрипция реальности фактически завершена. Следующий неизбежный шаг – какая-либо ее трансформация: через вмешательство в генетический код, с помощью био-, нанотехнологий и кибернетики или при участии виртуальной реальности.

Позволим себе глоток ностальгии. Раньше писатель был похож на антрополога: оба они описывали миры и то, как ведут себя в них люди. Бронислав Малиновский, один из основателей антропологии, советовал своим ученикам погружаться в среду и фиксировать все, что может оказаться важным. Так же поступали и писатели: рассевшись по углам кофеен, мы заносили в блокноты собственные наблюдения о том, что происходило вокруг и могло представлять какой-то интерес, ведь никогда не знаешь, что с чем сопряжется и куда приведет. Вдобавок тогда еще была жива мечта о Великом Знании, которая таки осуществилась позднее, хотя и

¹¹ Прохожие пересекают площадь в разных направлениях... – Имеется в виду площадь Свободы в центре Брно.

в пародийном виде, а также мечта о Великом Романа, который охватит собой абсолютно все. Но вот как быть писателю-антропологу или антропологу-писателю, если он оказался в мире, где все фиксируется в реальном времени, а потом хранится на серверах в зданиях размером с ангара для дирижабля, только упрятанных под землю? Мы живем в полностью описанном, полностью показанном, полностью *явленном* мире. Если сегодня в джунглях Амазонки обнаружат до сих пор не тронутое цивилизацией племя, то завтра вождь этого племени появится в шоу Опры Уинфри, которое будут обсуждать сотни миллионов пользователей социальных сетей. Это все равно что бросить в муравейник кусок сардельки, чтобы посмотреть, что произойдет, – и оно, разумеется, тут же и происходит.

Итак, на скамейке сидит мужчина и думает о женщине, которая больше не придет. Единственное, что по-прежнему осталось неизведанным и что хоть как-то сопротивляется описанию (и о чем еще, значит, стоит писать), – это поле, которое возникало между ними, которое возникало *между нами* всякий раз, когда я встречался с тобой взглядом, а ты, улыбнувшись, махала мне в ответ.

И вот ты улыбнулась и помахала мне в ответ. Писаки-оппортунисты заявляют, что Гугл и Фейсбук знают нас лучше нас самих; может быть, если так пойдет и дальше, они окажутся правы, но пока мы по-прежнему гораздо лучше *не знаем* друг друга, благодаря чему и держимся на этом свете.

В общем, мне кажется, что единственное, о чем могу рассказать только я, – это ты. Но даже это неправда, потому что о тебе могут рассказать разные люди, и они о тебе рассказывают, с ума можно сойти от того, сколько людей говорит о тебе, хотя никто из них не говорит о тебе так, как я. Да и о чем другом я мог бы сообщить? Это все равно было бы пустой тратой слов, описанием уже описанного, пересказом рассказанного, Великой Компиляцией. Мне пришлось бы снова высасывать из пальца сюжет, очередное убийство, чуму, холокост – что угодно, лишь бы завязка этой выдуманной истории своей напряженностью превосходила то электрическое поле, которое возникало между нами. Пришлось бы сдуть пыль с учебника по сценарному искусству и работать с ожиданием и его нарушением, с накалом страстей и отсрочкой развязки – когнитивная психология на службе культурного производства в чистом виде.

ЛЕТО

Зал театра “Гусь на поводке” был набит до отказа. Магор¹² появился слегка во хмелю и в рубашке, застегнутой не на те пуговицы, так что было видно его белое студенистое брюшко. Усевшись за обшарпанный черный стол, он стал плевать в публику стихами. В зале стояла невыносимая духота, которая словно усиливалась от кислого дыхания Магора. Как дракон – предсмертные хрипы, так он изрыгал зловонное пламя, пытался затушить эти свои горячие испарения пивом, но все равно потел после каждой строки, и его редкие седые волосы липли к обвисшим щекам.

Впрочем, публика была в ничуть не лучшем состоянии. Зал превратился в индейскую баню, где пахло человечинной, – запах едва ли не противнее, чем само это слово. Когда стало совсем невмоготу, Магор выудил из закровов два кристально чистых стиха – и можно было жить дальше.

Правда, я воспринимал происходящее вполсилы. После того как погас свет, вдоль сцены проплыл силуэт девушки, и откуда-то из глубин моего тела вдруг вынырнуло воспоминание о Нине.

За те два с половиной месяца, которые прошли с похорон Балабана, я о ней как-то подзабыл. Точнее сказать – поместил ее на воображаемый склад манекенов, где хранились встреченные мною незаурядные женщины, о которых я ничего толком не знал и с которыми у меня не было ничего общего. Раньше я по крайней мере заводил с ними разговор, но в последнее время ритуал знакомства утратил непринужденность и по каким-то непонятным причинам стал выглядеть подозрительно. Однажды, сидя в аспирантском кабинете, я решил написать Нине письмо, но после первого же предложения курсор нерешительно замигал, и мне так и не удалось через него перескочить – *LOVE GAME OVER*.

В общем, я слушал, как Магор спотыкается о каждый стих и сам же городит все новые и новые препятствия, и одновременно косился налево, в полутьму. По острым углам прически, которые скользили по плечам девушки, когда она поворачивала голову, я решил, что это, наверное, и правда Нина.

– Все, хрен с ним, – заявил Магор, обнаружив, что его пивная кружка опустела. – Если что, я во дворе.

В зале зажегся свет – и я увидел Нину.

Я увидел Нину, и она спешила к выходу.

– Я сейчас! – бросил я Роману, который пришел со мной за компанию, и выскочил вслед за Ниной.

К счастью, она не успела уйти далеко – ждала кого-то внизу у лестницы. Я заметил ее первым, поэтому у меня оставалось несколько нижних ступенек, чтобы замедлить шаг. Короче говоря, я застопорил всех, кого только-только обогнал.

– Нина? – спросил я, ткнув в нее пальцем. – Нина...

Я сделал вид, что пытаюсь припомнить ее фамилию, хотя на самом деле помнил ее прекрасно.

– Нина из Оломоуца?

– Да, это я.

– Уже вижу. А что ты делаешь в Брно?

¹² Магор (настоящее имя – Иван Мартин Ироус, 1944–2011) – поэт, лидер чешского андеграунда, художественный руководитель рок-группы *Plastic People of the Universe*. В усадьбе Магора, расположенной в деревне Простршедни-Выдржи на юге Чехии, до 2005 года проходил ежегодный андеграундный фестиваль “Выдржи Магора” (*Magorovo Vydří*), куда, очевидно, и ездил друг Яна Роман (см. с. 44).

- Вот, решили съездить сюда с подругами.
- И? – произнес я, сам не понимая, что это за “и”.
- И мы пришли на день раньше.

Так она в курсе, что завтра моя очередь выступать на “Месяце авторских чтений”¹³?

Мы глупо торчали у самой лестницы, всем мешая.

– Слушай, знаешь что, давай-ка отойдем, – предложил я и вывел ее во двор, на так называемую Елизаветинскую сцену¹⁴.

- Я должна девочек подождать, – сказала она, оглядываясь по сторонам.
- Ясно. А мне нельзя упустить Романа. Значит, приехали в Брно... А планы у вас какие?
- Ты про сейчас? Да особо никаких. Я бы чего-нибудь выпила.

Столы на Елизаветинской сцене оказались уже все заняты – наверное, теми, кто не выдержал Магора в таком количестве.

- Здесь мы, кажется, не сядем, – заметил я.

К нам подошли Нинины подруги. Одну из них я узнал – именно она увлекалась черным цветом разной степени застиранности.

- Привет, – сказал я, протянув руку. – Ян.
- Итка. Привет.
- Привет. Алена, – представилась застиранная.

До меня вдруг дошло, что мы с Ниной проигнорировали этот ритуал¹⁵, но сейчас он бы уже выглядел глупо. К счастью, людской поток выплюнул Романа, так что мне, по крайней мере, удалось представить хотя бы его.

- Ну как, пойдем что-нибудь выпьем? – спросил я.
- Все вместе?
- Конечно. Девушки ради этого приехали аж из Оломоуца.
- Чтобы выпить с нами? Вполне разумно.

Но тут объявились какие-то знакомые Романа, и мы всё стояли да стояли, представляясь друг другу, и мне казалось, что это никогда не кончится.

- Может, в “Тройку”? – предложил я.
- Пожалуй, мы еще тут побудем, – ответил знакомый Романа.
- А я скоро приду, – заявил Роман.
- У нас в компании три девушки – и ты не с нами? – взял я тон, который ясно давал Роману понять, что я хочу, чтобы он к нам присоединился: я буду общаться с Ниной, а он пусть займется остальными двумя.

- Да я там раньше вас буду, – заверил он.

Мы двинулись к площади Шилингера, а оттуда, по Доминиканской улице, направились в кафе “Тройка”. Еще один невыносимо жаркий день, которых в том июле была нескончаемая череда, клонился к закату, и улицы остывали, как двигатель припаркованного автомобиля. Брно прикинулся южным городом, террасы ресторанов и кофеен заполнились людьми и гудели,

¹³ “Месяц авторских чтений” – литературный фестиваль, проходящий ежегодно в течение месяца, с 1 по 31 июля, и организуемый издательством “Ветряные мельницы” (*Větrné mlýny*). С 2005 года фестиваль проводится в брненском театре “Гусь на поводке” (*Husa na provázku*), позднее к проекту подключились другие города Центральной и Восточной Европы (Острава, Вроцлав, Кошице, Львов). Первые главы романа относятся к 2010 году, поэтому главный герой после выступления на фестивале в Брно отправляется еще и в Оставу.

¹⁴ ...во двор, на так называемую Елизаветинскую сцену. – Елизаветинская сцена (*Alžbětinská scéna*) – пространство между старым зданием театра “Гусь на поводке” и зданием Новой сцены, с трех сторон окруженное галереями и напоминающее театр шекспировской эпохи. Летом на Елизаветинской сцене проводятся концерты и ставятся спектакли, а в дни, когда представлений нет, там работает кофейня.

¹⁵ ...мы с Ниной проигнорировали этот ритуал... – Ян имеет в виду, что они с Ниной перешли на “ты”, никак не обозначив этот переход. Согласно этикету, они должны были, пожав друг другу руки, сказать “Привет” и назвать свое имя (в форме, предпочтительной для обращения) – так, как это сделали Итка и Алена. Или хотя бы просто предложить друг другу перейти на “ты” и пожать руки – так, как это сделали позднее Нина и Иван

словно улей. Мы шли мимо дискотеки, молодежь там выплеснулась на улицу (в одной руке сигарета, в другой – мобильник с включенным клипом на Ютьюбе), и меня не покидало чувство, что сейчас один из тех вечеров, когда пьян даже воздух. И это замечают не только люди, но и сам город, да и вообще всё вокруг.

– Значит, решили съездить в Брно, – мямлил я, а девушки послушно кивали.

Во дворе кафе все столики тоже оказались заняты. Мы зашли внутрь, чтобы заказать вино, а потом уселись с бокалами на ступеньках в противоположном конце двора, переполненного людьми. Над нашими головами мигал разноцветный неоновый логотип Дома искусства, а совсем рядом сверкал серебристый арт-объект – какой-то бесформенный кусок материи... правда, очень большой кусок.

– Наконец-то можно дышать, – улыбнулась мне Итка.

– Точно, – согласился я и вдруг подумал, что эту поездку, наверное, затеяла не сама Нина.

Видимо, она здесь просто за компанию.

– Ну, и как вам Магор? – поинтересовался я, когда мы чокнулись бокалами.

– Я Магора обожаю, – ответила Алена.

– Но сегодня он был явно не в форме, – добавила Итка.

– Просто отвратителен, – подытожила Нина.

– Хорошо же вы друг друга дополняете!

Девушки засмеялись, и Нина спросила:

– А тебе как?

– Ну, бывшим неформалам сейчас непросто, – ляпнул я первое, что пришло в голову. – Двадцать лет жили под колпаком, а теперь, когда этот колпак убрали...

– Все-таки он мог бы поуважительнее относиться к публике, – заметила Итка, девушка, как видно, приличная и умная.

– Но его читатели любят его именно таким, – защищала Магора Алена.

Ага, значит, одежда у нее андеграундного пошиба.

– Наверное, ты права, – сказал я, думая о том, куда запропастился этот чертов Роман. Разве не он ездил к Магору на сейшен? У него в запасе наверняка есть куча историй о пьяном поэте, который обзывает всех вокруг гнидами и суками, а на следующее утро нежен, как бутон.

– Хотя от Крховского¹⁶ я тащусь больше, – призналась Алена.

– Еще бы! Видели бы вы, как он посыпает на кухне сахаром муравьиные тропки, чтобы понять, куда они ведут. Это самый чуткий циник на свете.

– Как и все чуваки из андеграунда! – радостно воскликнула Алена. – Иногда они, конечно, нацепляют жуткие маски, но в основном это ужасно хорошие люди. Такие хорошие, как будто пришли сюда из другого мира.

Это был уже перебор, а главное, я заметил, что Нина перестала участвовать в разговоре. Она оглядывалась по сторонам и, казалось, витала где-то мыслями.

– Это твое любимое место? – спросила она наконец.

– Летом – да. Внутри здесь не очень, но во дворе приятно.

– Почти как в Италии.

– Вот-вот. Любишь Италию?

– Через месяц я еду в Бари присматривать за ребенком в одной чешско-итальянской семье. Нашла объявление в интернете. Я очень рада, что смогу испариться отсюда на пару недель.

– А не опасно отправляться на юг Италии по какому-то объявлению о работе? – забеспокоился я. – Еще испаришься с концами.

¹⁶ Крховский, И. Г. (настоящее имя – Иржи Гасек, род. 1960) – чешский поэт, дебютировавший в конце 1970-х, чьи стихи и тексты песен распространялись поначалу в самиздате. Живет на два города (в Праге и Брно).

– Судя по голосу, женщина там солидная, мы с ней уже созванивались.

При слове “солидная” мне представилась пожилая торговка живым товаром в желто-абрикосовом брючном костюме, но мысль свою я оставил при себе и вместо этого спросил:

– А что там с семинаром? Получила кредиты на халяву?

– Ну, историческая грамматика обошлась мне намного дороже, – усмехнулась Нина. – Но на самом деле это все одна сплошная ошибка. Я подавала заявление на искусствоведение и историю кино, а университет прислал не ту дату вступительных экзаменов. Короче, богемистку мне предложили как компромисс. А вообще я всегда хотела работать хлопущкой, – рассмеялась она и изобразила, как бы ей пошла эта роль.

– Знакомство с Ниной, дубль первый, – подхватил я. – А что с искусствоведением?

– А ничего. Раньше я много рисовала, но потом бросила. Переходный возраст, все дела. Потом еще хотела стать скульптором...

Помолчав немного, она продолжила:

– Мне нравится работать с материалом, только не хватает терпения. Поначалу мне интересно, а вот детали – нет уж, с ними пусть другие возятся.

– Значит, тебе интересно только поначалу? – сказал я, подумав, что это первое, что Нина сообщила мне о себе.

– Да, и так во всем. Наверное, поэтому я люблю знакомиться. Поначалу интересно, а потом сразу скучно.

– Потому что в любых отношениях рано или поздно приходится разбираться с деталями?

– Наверное. Говорят же, что дьявол кроется в деталях.

– Говорят, только в другом смысле.

– Так ты у нас специалист по смыслам? – съязвила она и повернулась к Итке с Аленой. – Вам что-нибудь принести? Хочу взять еще вина.

Мы с Ниной отправились к барной стойке. Я вдруг понял, что в моей спутнице, наверное, сантиметров сто восемьдесят: на ногах у нее были плоские сандалии, и все равно ростом она была почти с меня. Пока мы шли через двор, за Ниной ползло несколько голодных взглядов, и до меня как будто бы донесся протяжный вой.

На обратном пути я наконец увидел Романа. Он стоял за запертой решеткой арки, ведущей в соседний двор, где находилась пивная “У Путника”¹⁷, и держал в руке кружку с недопитым пивом. Заметив меня, он ухмыльнулся.

– Как дела, донжуан? Я об этой девушке ничего не знаю, но мне хватает и того, что я вижу.

– Ты тут не один такой. Но я-то, друг мой, стараюсь ее понять, так что у меня перед вами фора в сто световых лет. Ты к нам присоединишься?

– Не знаю, лень обходить. Эти две и так вроде нормально друг с дружкой общаются.

– А что им остается? Они всего лишь камеристки и вполне этим довольны. Но ты все равно будь начеку.

– С каждой кружкой мои дела все лучше, – заверил он меня.

– Ты о своей готовности или вообще?

– О своей готовности и вообще.

– Вижу, еще немного – и тебе сам черт не брат, – предостерег я.

– Тогда я взглядом распилю эту решетку и возьму на себя камеристок.

Вернувшись к девушкам, я глотнул вина и спросил:

– Значит, вы приехали в Брно на мой вечер? Поверить не могу.

– Это Нина предложила, – выдала подругу Алена.

Я вопросительно посмотрел на Нину.

¹⁷ ...где находилась пивная “У Путника”... – “Путник” (Poutník) – марка непастеризованного пива, производимого в городе Пелгржимов на юге Чехии. Именно это пиво разливают в пивной “У Путника”.

– Если думаете, что я покраснею, то даже не надейтесь. Я научилась с этим справляться. Лучше скажи нам, что ты завтра будешь читать.

– Наверное, что-нибудь из “Этюда в четыре руки”. Кстати, ты в итоге взяла его у парня, которому я его отдал?

– Он только недавно мне его принес, как раз читаю.

– Как раз читаешь?

– Ну да, я же сказала.

– Слышу, что сказала...

Сказала, не догадываясь, что это значит; не догадываясь, что нет ничего лучше, чем встретить летом такую девушку, как она, и услышать, что она читает твою книгу; не догадываясь, сколько миллиардов нейронов включается в эту самую секунду и что происходит в остальном твоём теле.

– Не стану спрашивать о впечатлениях, раз ты ещё не дочитала.

– Вот и не спрашивай. Все равно мы по идее должны были увидеться только завтра...

– Ага, значит, у вас были другие планы?

– Ну да. Мы идем не по сценарию.

– Что ж, придется импровизировать.

Но какая там импровизация! На всех вдруг нашло оцепенение, и мы просто глазели по сторонам. Неоновый логотип над нашими головами мигал разными цветами: зелёный, потом красный, розовый, синий, жёлтый, потом все вместе – и снова по кругу. Зелёный, красный, розовый, синий, жёлтый.

– Мы, наверное, пойдем, – подали голос Алена с Иткой, видимо, наконец решившие придерживаться сценария.

– По-моему, тебя о чем-то спрашивают, – сообщил я Нине.

– Я бы выпила ещё бокал. А вы что, правда уходите?

– Я замерзла, а ничего теплого с собой не захватила, – послушно объяснила Итка.

– Ну, я тоже скоро приду, – пообещала Нина.

– А у тебя ключи есть? – спросила первая камеристка, а вторая забеспокоилась:

– Не заблудишься?

– Если что, я вам ее приведу, – заверил я, опасаясь, что они ещё минут пять будут объяснять Нине дорогу, хотя и сами толком города не знают.

Мы остались одни – и на пробу улыбнулись друг другу. Неподалеку у кого-то со звоном выпал из рук стакан и раздался пьяный смешок.

– Может, заменим бокал пластиковым стаканчиком? – предложил я. – Прогуляемся по Шпильберку, а вино возьмем с собой. Как тебе идея?

Нина, не сказав ни слова, встала.

Мы снова прошли по площади Шилингера. На Гусовой мимо нас, словно табун лошадей, промчались шумные ночные автобусы. Перейдя дорогу, мы свернули на Пелликову, где между домами расстилалась полночная тишина.

– А я-то надеялась выпить в Брно хорошего вина¹⁸...

– Что ж ты сразу не сказала. Мы бы тогда не стали заказывать самое дешевое. А здесь я живу...

– Вот это совпадение.

Нина выглядела растерянной.

– Мне тоже уже холодно, я только за толстовкой заскочу, – улыбнулся я. – А тебе как, нормально?

¹⁸ 48 А я-то надеялась выпить в Брно хорошего вина... – Брно – столица Южноморавского края, именно в этом регионе расположено большинство чешских виноградников и, соответственно, виноделен.

- У меня еще футболка с собой.
- Не поднимешься?
- Ну, ты же быстро? Я лучше здесь подожду.

Я зашел в пустую квартиру, натянул толстовку, переобулся в кеды. Заглянул на кухню, чтобы глотнуть воды после вина. Через сетчатые шторы в кухню пробивался свет уличного фонаря, под которым стояла Нина и закуривала сигарету. Меня удивило, что она курит. Поверх красной майки она надела красную футболку с длинным рукавом и сейчас затягивалась сигаретой, одной ногой выписывая полукруги на тротуаре. Мне захотелось тихо-тихо открыть окно и неожиданно спросить ее, о чем она думает. Сам же я, стоя со стаканом в руке, думал о том, что мало где таится столько неловкости, сколько в ситуации знакомства с расчетом на любовную связь. Мне вспомнилось, как в документальных фильмах о живой природе птицы распушают свои разноцветные перья или собирают по всей округе кусочки фольги, а иногда даже лихорадочно выщипывают клювом траву, чтобы подготовить сцену для спаривания¹⁹. Наверное, нам так нравится смотреть на это, потому что мы видим здесь ту же неловкость и испытываем облегчение, оттого что считаем ее унаследованной. Только в редких случаях любовные отношения начинаются там, куда ведет запорошенная тропинка слов и где может вдруг снизойти благодать – будто огромный невод, опускающийся на стаю рыбешек с металлически блестящей разноцветной чешуей. В ту минуту мне казалось, что я вижу его ячейки в ночном небе над Шпильберком, но скорее всего это просто штора, за которой я стоял, разлиновывала вид из окна.

- Значит, ты куришь... – сказал я, выйдя на улицу.
- Сейчас да. Но вообще нет. Только в исключительных случаях.
- А сейчас он исключительный?
- Ну...
- Может, тебе надо в туалет? Или воды попить?
- Все отлично. Кажется, неплохое место... – кивнула Нина в сторону моего дома.
- Это одна из тех улиц Брно, где я всегда хотел жить. Самый центр, но при этом тихо.
- Люблю функционализм²⁰, – сообщила Нина.

Мы свернули в парк и стали подниматься по узкой дорожке, ведущей к освещенной крепости, стены которой проглядывали сквозь деревья.

– Я сначала жила в общежитии, но быстро поняла, что это не мое. Теперь вот снимаю. Нас там то ли шесть, то ли семь, но квартира огромная, с высокими потолками, поэтому места хватает. В ней метров сто, не меньше.

- Значит, дом старый?
- Да, он полностью принадлежит церкви, а прямо напротив – теологический факультет.
- Церкви? Так ты верующая?

Я удивился этому не меньше, чем сигарете, которую она как раз затушила о крышку урны. Но ведь я Нину в сущности не знал; почему мужчины, видя привлекательную женщину, так часто думают, что знают ее?

¹⁹ ...птицы распушают свои разноцветные перья или собирают по всей округе кусочки фольги... – Здесь автор, по-видимому, опирается на материал статьи “7 причудливых брачных ритуалов из мира животных”, опубликованной на чешской версии сайта *National Geographic*. В статье говорится о том, что самец атласного шашлычника для привлечения самки собирает в гнезде мелкие предметы – кусочки фольги, панцири улиток, пластиковые крышки.

²⁰ Люблю функционализм... – Брно считается центром чешского функционализма. После распада Австро-Венгрии и возникновения самостоятельной Чехословакии в 1918 году Брно стал вторым по величине городом в стране и сюда хлынул поток инвестиций. В городе развернулось масштабное строительство, причем архитекторы и заказчики ориентировались на популярный тогда в Европе функционализм. Самое знаменитое здание города, построенное в этом стиле, – вилла Тугендхат, названная так по фамилии ее владельцев Фрица и Герты Тугендхат и внесенная в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (см. также стр. 98).

– Я-то нет, но все мои соседки – да. Они постоянно ходят на службы и даже в какие-то христианские кружки.

– Значит, они за тобой присматривают? Пытаются обратить тебя в свою веру?

– Вряд ли у них это получится. Хватит с меня и того, что я крещеная, – сказала Нина, а потом, помолчав, добавила: – Я скорее иногда играю за другую команду, просто так, ради смеха. Но ты меня все время о чем-то спрашиваешь...

– Да, и что же делает эта другая команда? – продолжал я, потому что задавать вопросы мне всегда было проще, чем рассказывать о себе. А главное, я наконец решился на то, о чем мечтал весь вечер: обнял Нину за талию. Обнял и снова спросил:

– Так что же делает другая команда?

Нина замялась на секунду, а потом ответила:

– Может, вот это.

– Ты про что?

– Я про выпить пол-литра вина и отправиться ночью в парк с малознакомым человеком.

Мы продолжали подниматься по дорожке. Ночная мошара кружила в свете фонарей; время от времени откуда-то доносились пьяные визги.

Я жутко хотел Нину, но мы с ней были знакомы от силы часов пять. Шагая наверх, к крепости, я проговорил:

– Папа раньше водил экскурсии по здешним казематам. А потом написал об этом книжку “Гид по темноте и сквозняку”.

– Не знала, что твой папа тоже писатель²¹.

– Он уже давно ничего не публиковал. Последняя книга у него вышла в начале девяностых. С тех пор он работает директором Чешского радио здесь, в Брно.

– А ты ее читал?

– Папину книгу? Да, еще в старших классах. Но мне больше запомнилось, как мы запускали с крепостных стен вниз, в город, бумажные самолетики. Мне было лет шесть, и я думал, что это лучшее занятие на свете.

– Вы на них что-то писали? – спросила Нина.

– Конечно. На каждом было написано одно и то же, и это был главный вопрос жизни.

– Теперь я должна спросить – какой?

– Нет, теперь ты должна мне ответить, из какого это фильма. Мальчик пускает из окна самолетики, на которых написан главный вопрос жизни. Ты же вроде учишься на киноведа?

Нина задумалась, а потом сказала:

– “Любовники полярного круга”?

– *Los amantes del círculo polar!* – прокричал я в крону ближайшего дерева. – *Los amantes del círculo polar!*

– Не бойся, Отто! – процитировала Нина, рассмеявшись.

– *Valiente, Otto!* – смеялся я вместе с ней, как будто давно не слышал такой хорошей шутки. – Не бойся, Отто. Но это написано на записке, которую Ана передает ему накануне их первой ночи. А вот что написано на тех самолетиках, которые Отто запускает из окна в школьный двор, об этом в фильме не сказано. Там только отец Отто поднимает самолетик, который опустился к его ногам, читает, что на нем написано, и говорит, что это очень романтично и что это самый главный вопрос жизни. Но какой именно вопрос, мы так и не узнаём.

– Мне нравится Медем, – сказала Нина. – Но ранние фильмы у него лучше. Сейчас он уже немного повторяется.

²¹ ...твой папа тоже писатель. – Отец Яна Немеца, Людвик Немец (род. 1957) – поэт, прозаик, к середине 1990-х опубликовавший один роман и два сборника рассказов (в том числе “Гид по темноте и сквозняку”, *Průvodce povětrím a tmou*). Следующий прозаический сборник (“Любовь на чужой могиле”, *Láska na cizím hrobě*) действительно вышел у него после длительного перерыва, в 2013 году, и был номинирован на чешскую литературную премию *Magnesia Litera*.

– Люди в районе тридцати вообще сняли кучу классных фильмов. Знаешь, сколько было Софии Копполе, когда вышли “Трудности перевода”? Тридцать два. А уж как Андерсон смог снять свою “Магнолию” в двадцать девять, я вообще не понимаю. Ведь мне сейчас столько же.

– Так тебе двадцать девять?

Только тут я понял, что не знаю, сколько ей лет. Скорее всего, около двадцати, раз она только что закончила первый курс²².

– Значит, никакие бумажные самолетики вы с папой отсюда не пускали? – догадалась Нина.

– Ну, разве что разбрасывали над Старым городом его рукописи, которые не приняли в издательстве.

Я вдруг подумал, что это вполне могло быть правдой. Стоило мне в детстве открыть какой-нибудь шкаф, как из него вываливались рукописи. Я виновато собирал разлетевшиеся листы, и на пальцах у меня оставались черные следы копировальной бумаги. В общем, я бы не удивился, если бы мы с папой делали самолетики из его недописанных романов...

Добравшись до крепостных стен, мы обнаружили, что ворота на ночь запираются, и отправились к беседке на северной стороне холма, откуда открывался вид на центр города. Беседка здесь появилась совсем недавно. Это было довольно сомнительное сооружение с классицистическими колоннами из рифленого металла. Посередине беседки стояла тумба с макетом Шпильберка: крохотные бронзовые постройки и двор крепости, о который кто-то затушил окурок, так что желтый фильтр теперь служил архитектурной доминантой.

Подойдя к парапету, мы какое-то время разглядывали освещенные церкви и площади, лежащие внизу.

– Давно ты здесь живешь? – спросила Нина.

– С самого рождения...

Мы вернулись к тумбе; поведив по ней ладонью, Нина прислонилась к ней спиной. Я подошел ближе и обхватил Нину за талию. Она уткнулась в меня лбом, а потом подняла голову и заглянула мне в глаза. Я поцеловал ее.

Этот поцелуй нас будто бы раскупорил. И вот мы уже пробовали друг друга на вкус, причем наши тела кто-то явно только что взболтал.

– Наконец-то полегчало, – произнес я, когда мы оторвались друг от друга.

– Полегчало?

– Да, я чувствую сейчас невероятное облегчение, – повторил я.

– А я скорее напряг.

– Я в хорошем смысле.

– Я тоже.

Разговаривая, мы оба сделали по паре шагов назад и теперь замерли в разных углах беседки, словно два боксера, которые в перерыве между раундами восстанавливают дыхание и которым массируют плечи и утирают пот, чтобы они могли наброситься друг на друга с новыми силами.

Так оно и произошло, и мы вошли в клинч. Пока мы кусались, в игру все больше вступали наши руки. Сначала они нашли друг друга, а потом расплелись и отправились гулять по чужому телу в поисках приключений. Мои ладони ненадолго замешкались, набредая на изгиб Нининой груди. Мне показалось, что события развиваются чересчур быстро, но Нина не протестовала, а ее грудь... Не прошло и пяти секунд, как Нина уже стояла с задранными футбол-

²² Скорее всего, около двадцати, раз она только что закончила первый курс. – В Чехии, как и во многих европейских странах, среднее образование для желающих поступить в университет длится 13 лет. Таким образом, абитуриентам университетов, как правило, не меньше 19 лет.

кой и майкой и, положив руку мне на затылок, всю прижимала меня к себе. Но тут мы услышали приближающиеся во тьме голоса.

– Ну, ты зря времени не теряешь, – произнесла она, приводя себя в порядок.

– Мне кажется, или ты вполне довольна?

Мы спускались по ночному парку с другой стороны холма, не с той, с которой мы на него поднимались, держались за руки и почти всю дорогу молчали, словно наши разговоры были лишь прелюдией к тому, что случилось только что.

– Дальше я дойду сама, – заявила Нина, когда мы в третий раз за вечер оказались на площади Шилингера.

– Я тебя провожу, тут недалеко.

Поколебавшись, она ответила:

– Мне хочется побыть одной. Выкурить сигарету и вообще.

Я убедился, что она знает, как добраться до квартиры, где они остановились с Аленой и Иткой и где ее подруги уже наверняка видели не первый сон. Хорошо, что дорога была простая – всего два поворота. Я тогда еще не знал, что Нина может и в трех соснах заблудиться и, бывает даже, садится в поезд, идущий в противоположном направлении.

– Значит, завтра? – спросил я.

– Сегодня, – поправила Нина: было уже два часа ночи.

– Можем вместе пообедать, – предложил я.

– Неплохая идея, – согласилась она, и мы договорились примерно в час встретиться у моего дома.

– Хорошо, что ты знаешь, где я живу, – заметил я, и мы быстро поцеловались на прощание.

она была несекретной

Есть блондинки и блондинки, и сегодня это почти шутка. У всех блондинок есть свои очки, кроме, возможно, металлических, которые такие же светлые, как Зулу под отбеливателем, и такие же мягкие, как тротуар. Есть маленькая симпатичная блондинка, которая пьет и дергается, и большая статная блондинка, которая прямо вооружает вас ледяным голубым взглядом. Есть блондинка, которая смотрит на тебя сверху вниз, пахнет прекрасно, мерцает, висит на твоей руке и всегда очень сильно устает, когда ты отвезешь ее домой. Она делает этот беспомощный жест и испытывает эту проклятую головную боль, и вы хотели бы ударить ее, за исключением того, что вы рады, что узнали о головной боли, прежде чем вложили в нее слишком много времени, денег и надежды.

Есть мягкая, готовая и алкоголичная блондинка, которой все равно, что она носит, если она норка или куда она идет, пока это Starlight Roof и там много сухого шампанского. Есть маленькая жизнерадостная блондинка, которая немного дружит и хочет заплатить за себя, полна солнечного света и здравого смысла, знает дзюдо с нуля и может бросить водителя грузовика через плечо, не пропуская более одного предложения из редакционной статьи в субботнем обзоре. Есть бледная, бледная блондинка с анемией какого-то нефатального, но неизлечимого типа. Она очень вялая и очень темная, и она говорит тихо из ниоткуда, и вы не можете положить на нее палец, потому что, во-первых, вы не хотите, а во-вторых, она читает Пустошь или Данте в оригинал, или Кафку, или Кьеркегора, или изучение провансальского. Она обожает музыку, и когда Нью-Йоркская филармония играет Хиндемита, она может сказать вам, какой из шести басовых альтов опоздал на четверть удара. Я слышал, что Тосканини тоже может. Это делает их двоих.

И, наконец, есть великолепное шоу, которое переживет трех воровских рэкетиров, а затем выйдет замуж за пару миллионеров по миллиону в голову и в итоге получит виллу с бледной розой в Кап Антиб, городской автомобиль "альфа ромео" с пилотом и сотрудником. Пилот и конюшня изношенных аристократов, всех из которых она будет относиться с ласковой рассеянностью пожилого герцога, пожелавшего дворецкому спокойной ночи.

Мечта через дорогу не была ни одной из них, даже такого рода мира. Она была несекретной, такой же далекой и чистой, как горная вода, такой же неуловимой, как ее цвет.

Рэймонд Чандлер. *The Long Goodbye*
(перевод с английского Google Translator)

лето продолжается

Я проснулся около десяти. Сквозь щель между шторами проникала и ложилась на пол длинная полоса света. Ночью мне поспать не удалось, я забылся на рассвете и только утром смог чуть-чуть наверстать часы бессонницы. Когда я раздернул шторы и вышел размяться на балкон, меня встретила точная копия вчерашнего дня: от края до края простиралось невыносимо ясное небо, а воздух уверенно прогревался до тридцати градусов. “Лето”, – сказал я самому себе. “Лето”, – повторил я и вдруг вспомнил цитату на задней стороне обложки одноименной книги Альбера Камю: *Есть две правды, и одну из них нельзя называть. Лето.*

Я набрал воды в электрический чайник и, прислонившись спиной к столешнице, ждал, пока он закипит; в кино это был бы длинный кадр с главным героем, еще помятым после сна. Потом я залил кипятком пакетик с черным чаем и принялся ждать, пока он заварится. Добавил в кружку молока, вернулся с ней в комнату, вставил в проигрыватель токийский фортепианный концерт Брэда Мелдау и лег на шерстяной ковер, предвкушая, как через несколько треков Мелдау доберется до своей фантастической двадцатиминутной кавер-версии радиохедовской песни *Paranoid Android*. Когда зазвучали ее первые ноты, я тут же закрыл глаза. Я здесь, и это я. Только теперь я впустил в свои мысли Нину.

Ближе к полудню я принял душ, вымыл голову и побрился. Я даже не знал, к чему я готовлюсь больше – к обеду с Ниной или к авторскому чтению. В любом случае не оставалось ничего другого, кроме как разбираться со всем по порядку.

Шел второй час, а Нины все не было. Я вдруг понял, что мы даже не обменялись номерами телефонов. В пятнадцать минут второго я уже караулил Нину у окна в кухне. Наконец она появилась, но прошла мимо моего дома. Что бы это значило?

Минут через пять раздался звонок, я снял трубку домофона, открыл входную дверь и встал на пороге квартиры.

– Ты проскочила мимо! – встретил я ее упреком вместо приветствия.

– Ты меня видел?

– Я уже начал тебя высматривать. Привет.

– Привет, – сказала она и дотронулась до моего плеча. – Я думала, ты живешь дальше.

– Ты вчера минут пять стояла возле этого самого дома и курила.

– Ночью все выглядит по-другому, – возразила она. – И вообще – у меня не было времени его рассматривать.

– Но ты же говорила, что любишь функционализм, – напомнил я.

– Да это я просто ляпнула, чтобы показаться интереснее, – засмеялась она. – Ну что, идем обедать?

Со Шпильберка еще хоть как-то веяло прохладой, но в центре города жара спрессовывалась, точно хлопок-сырец. Мы пошли вдоль фасадов, укрываясь в узкой полуденной тени, а потом сквозь череду пассажей добрались до торгового центра “Велки-Шпаличек”. Там на втором этаже находилось кафе “Ребио”, где в глубоких металлических подносах была выставлена вегетарианская еда, которая продавалась на вес. К счастью, лучший столик оказался свободен: он был только на двоих и прятался за колонной у окна, откуда открывался вид на всю Панскую улицу, полого спускающуюся вниз.

– Ты уже решил, что будешь сегодня читать? – спросила Нина.

– А у тебя есть какие-то пожелания?

– Никаких, – ответила она. – Но мне интересно, что ты выберешь.

– Есть там один рассказ, в нем действие происходит на Рождество, в трескучий мороз. Ты, наверное, его не читала, он в самом конце.

– Если ты в такую погоду подаришь публике немного снега, она вся твоя. Ты уже настроился?

– У меня как-то не было на это времени. Вчера со мной кое-что случилось...

– Серьезно? Надеюсь, ничего страшного, – улыбнулась Нина. – Наверное, куча твоих знакомых придет?

– Скорее всего. Коллеги из издательства, ребята, с которыми мы делаем “ХЛОП”, еще какой-то народ...

– “ХЛОП”?

– Ну да, и теперь у тебя может появиться шанс поработать хлопущкой! – ответил я и пояснил: – Мы устраиваем что-то вроде летней школы, скорее про видео, чем про кино. Я собираюсь немного рассказать про творческое письмо, но в основном буду просто помогать Марте и Томми. В прошлом году я даже кухарничал, прямо как в детском лагере, – готовил на двадцать человек, на старой такой плите, которую сначала надо было растопить.

– Серьезно? По тебе и не скажешь. В смысле, не могу тебя представить за готовкой. Ты что, и белый колпак надевал, как настоящий повар?

– Нет, обошлось без колпака. Но однажды я испек будильник. Петр, второй наш повар, ночевал прямо на кухне и, чтобы не слышать тиканья часов, а главное, чтобы не проснуться ни свет ни заря, не придумал ничего лучше, чем вечером засунуть будильник в духовку. Утром, когда я пришел на кухню, Петр храпел на диване – его план сработал в том смысле, что будильника он не слышал. Я растопил плиту, поставил на нее кастрюлю с овсянкой и вдруг чувствую – чем-то воняет. Короче, я додумался открыть духовку и обнаружил там сильно запотевший будильник с поплывшим циферблатом. Такой Дали в 3D...

– Да, смешно, – сказала Нина и действительно рассмеялась. – А когда все это будет?

– В начале августа.

– Я уже уеду в Бари, так что опять без меня.

Похоже, Нина была в настроении. Когда мы закончили обедать, я предложил ей съездить на улице по мороженому.

– Отличная идея. Все уже давно открыли сезон, одна я как рыжая.

– Так вот, значит, кто мне приснился!

Мы съели по два шарика мороженого, и Нина пошла пить кофе с подругами. А я решил вернуться домой и устроить себе сиесту.

Я проснулся в половине седьмого – до мероприятия оставалось полтора часа. Ополоснул лицо ледяной водой и придирчиво осмотрел себя в зеркале. Взял с подоконника “Этюд в четыре руки” и начал его листать. Загвоздка была в том, что теперь мне там ничего не нравилось.

Я не знал, что буду читать со сцены, даже когда за пятнадцать минут до начала пришел в “Гуся на поводке”. Я поздоровался со знакомыми и помахал рукой трем оломоуцким грациям, потягивавшим через трубочку лимонад. Потом разыскал Павла Ржегоржика из издательства “Ветряные мельницы” и вместе с ним направился в зал.

Заняв свое место за черным столом с небольшой настольной лампой, я достал из сумки книгу и последний номер “Респекта”²³, в котором вышла моя рецензия на роман “Спроси у папы”. Мне хотелось еще раз напомнить всем о Балабане: будь он жив, он бы точно выступил на “Месяце авторских чтений”. Найдя нужный разворот, я без всяких предисловий принялся читать:

Где таится жемчужина дня человеческого? Этот трепетный вопрос мерцает между строк последней книги Балабана. Она снова о настойчивом

²³ “Респект” (*Respekt*) – один из наиболее престижных чешских общественно-политических журналов, определяющий себя как “либеральное, критическое средство массовой информации, которое верит в свободу человеческого духа и необходимость сомневаться на пути к ее повседневной реализации”.

поиске и исследовании смысла жизни, на сей раз – обведенной черным фломастером смерти. Но смерть одновременно подчеркивает жизнь, фиксирует, показывает ее как нечто сущее, не позволяя ей изо дня в день оборачиваться фикцией.

В последнем романе Балабана ставятся серьезные вопросы, а ответы на них даются уклончивые: “Можно ли ненадолго перестать умирать? Перестать причинять страдания? Или жизнь – это лишь обжигаящая и давящая боль, бессмысленная клякса, след нашего биологического и личностного распада?” И даже в такой жизни случаются волнующие моменты, когда снисходит свет, и у Балабана они неизменно связаны с преодолением плоского мира. Поэтому Эмиль где-то на Кипре должен подняться вместе с Еновефой на вершину горы, к православной часовне, к золотой полосе света, к центру креста, где нет “справа и слева”, где уже даже нет “наверху и внизу, далеко и близко”. Должны существовать моменты, когда человек перестает быть “подлецом, который стоит на своем”; должны существовать жемчужины дней человеческих: “В неожиданном порыве она обхватила его за шею, и, слившись в долгом поцелуе, они перестали различать, где начинается один и заканчивается другой”.

Эта рецензия была, пожалуй, лучшее из всего, что я читал в тот вечер. После нее я добрых три четверти часа продирался сквозь рассказ, которому было далеко до балабановской лаконичности.

Мне полегчало, только когда я закончил читать и настала очередь вопросов из зала. Кто-то спросил о моем эссе, которое не так давно появилось в том же “Респекте” и в котором я несколько прекраснодушно (как того и требовал формат новостного еженедельника) разграничивал желание и страсть. Желание превращает нас в должников, а страсть наполняет душу – так звучал мой главный тезис. Короче говоря, мне казалось, что все вокруг чего-то хотят, но мало кто занимается чем-то самозабвенно; все чего-то жаждут, но никто не способен со страстью отдаться какому-то делу.

Но потом слово взял лысый мужчина, который не пропускал почти ни одного авторского чтения и обычно задавал каверзные вопросы. На этот раз ему хотелось знать, как выглядел бы мой рассказ, если бы его написал:

а) Милан Кундера,

б) Михал Вивек²⁴.

– Вы хотите, чтобы я представил себя Миланом Кундерой, который по ошибке написал мой рассказ, а теперь хочет переделать его под себя? – уточнил я.

– Можно сказать и так.

– По-моему, это бессмысленный вопрос.

– Ну почему же... – раздался голос литературного критика Иржи Травничека.

– Так, может, Иржи, ты сам на него и ответишь?

– Но задали-то его тебе.

– Задали мне, но было бы интересно послушать, как Иржи Травничек ставит себя на место Яна Немеца, который представляет себя Миланом Кундерой, который по ошибке написал рассказ Яна Немеца и теперь правит его под себя. Может быть, тогда все же станет понятно, что вопрос бессмысленный, – отбивался я.

– Так значит, вы мне не ответите? – поинтересовался Фантомас, сверкая лысиной.

²⁴ ...как выглядел бы мой рассказ, если бы его написал: а) Милан Кундера, б) Михал Вивек. Завсегда тай фестиваля неслучайно называет именно эти два имени. Милан Кундера и Михал Вивек, пожалуй, самые успешные чешские писатели из ныне живущих, известные не только в Чехии, но и за рубежом.

– Если бы этот рассказ написал Кундера, в нем было бы больше иронии. А если бы его написал Вивег, он был бы, пожалуй, смешнее. Вы это хотели услышать?

Дискуссия длилась еще какое-то время; потом я подписал несколько книжек и спустился вниз, на Елизаветинскую сцену. Почти за каждым столом сидели знакомые: мои школьные друзья, парочка социологов, коллеги из издательства, объединившиеся с людьми с филфака, кое-кто из Академии Яначека, девушки из танцевальной группы “Филигрань”, народ из “ХЛОПа” и – в придачу – завсегдатаи авторских чтений. Я вдруг понял: кого я здесь практически не знаю, так это Нину. Я на секунду растерялся, увидев, что она стоит через двор от меня в очереди за пивом.

Описав по двору неровный круг, чтобы поприветствовать знакомых, я по дороге подобрал Нину. Мы взяли стулья и пристроились к столу, за которым уже успели перемешаться разные компании.

– Прошу внимания! – объявил я как можно громче. – Это Нина.

Кто-то протянул ей руку, кто-то просто помахал, и разговор вернулся в прежнее русло.

– А подружки твои где? – спросил я ее.

– Ушли в другое место, здесь было слишкомлюдно. Мне уже, наверное, тоже пора.

– Но ты же вернешься?

– У тебя здесь куча друзей, не хочу тебя у них отнимать.

– Тогда дай мне наконец свой телефон.

– Наконец? Ты у меня его еще не просил.

Я набрал ее номер и смотрел, как она сохраняет меня в списке контактов на своем стареньком обшарпанном телефоне.

– А Нина здесь, собственно, как очутилась? – спросил кто-то.

– Совершает межпланетную экспедицию из Оломоуца, – ответил я.

– И прямо сейчас происходит близкий контакт третьей степени? – поинтересовался Томми.

– Примерно так. Мы с Томми вместе устраиваем летнюю школу, – пояснил я Нине и снова повернулся к Томми: – Нина всегда хотела стать хлопущкой.

– Она бы нам точно пригодилась.

– К сожалению, я в это время буду в Бари.

– В Бари в баре? – пошутил Томми.

– В Бари в няньках.

– Я Марта, – представилась Марта, выходящая куда-то позвонить.

– Марта солистка из “Будуара пожилой дамы”²⁵, и “ХЛОП” – это прежде всего ее идея.

– Это мой аспирантский проект, – уточнила Марта, оглядываясь, куда бы сесть.

Томми уже было поднялся, чтобы принести ей стул, но Нина уступила свое место.

– Меня ждут подружки, – пояснила она.

– Но ты же меня не боишься, правда? – спросила Марта. – Не такая уж я и знаменитость.

– Теперь точно станет бояться, – заметил Томми.

– Я никого не боюсь. И я еще вернусь, – ответила Нина, невольно подражая супергерою.

Едва она ушла, кто-то потряс меня сзади за плечо.

– Ух ты! А это кто был? – спросила Ева, одна из танцовщиц.

– Это была Нина, – сообщила Марта. – И, как ни странно, она меня не боится. Неплохое начало.

– А она кто? – продолжала допытываться Ева.

²⁵ ...солистка из “Будуара пожилой дамы”... – “Будуар пожилой дамы” (*Budoár staré dámy*) – музыкальная группа из Брно, существующая с 1998 года и продолжающая традицию чешской альтернативной музыки первой половины 1980-х. Именно поэтому солистку группы Марту и ее мужа Томми в одном из разговоров называют “брненскими альтернативщиками” (см. стр. 170).

- Хлопушка, – пожал плечами Томми.
- Хлопушка? – рассмеялась Ева.
- И ничего смешного! – возмутился Томми.

Мы с Мартой и Томми немного пообсуждали организацию “ХЛОПа”, а потом они ушли и я, улучив минутку, написал Нине эсэмэску: *Ты как? Мне подойти?*

– А-а-а, господин писатель, – подгреб ко мне бывший одноклассник и приобнял за плечи. – Чувак, было здорово. Знаешь, что я вспомнил? Как мы в девятом классе писали сочинение, и ты и для меня кусок сварганил. Помнишь? Училке, блин, даже в голову не взбрело, что на сочинении можно списывать. Ты-то свое уже закончил, а потом прочитал мою бредятину и написал мне на бумажке какой-то убойный конец. А я просто перекатал его в тетрадь.

Я проверил телефон, но от Нины ответа не было. Оглядевшись по сторонам, я решил, что здесь уже вполне обойдутся и без меня.

Нина с подругами попивала квас на террасе кафе с монастырским меню. Довольно милое местечко: посетители сидели на старых бревенчатых лавках, какие раньше стояли перед деревенскими пивными, над столами мигали фонарики, и надо всем этим высились узкие башни собора Петра и Павла. Тут же, за оградой, у монашек был розарий, из которого ночью доносился такой аромат, словно кто-то на пульте включал розы на максимум.

- Я совсем забыл про это место.
- Мы рады, что нам удалось показать тебе Брно, – прокомментировала Нина.
- Они вот-вот закроются. Они только до одиннадцати, а сейчас полдвенадцатого, – сообщила Алена.

– Я все равно уже подустала, – отозвалась Итка. – Мне бы домой пойти. Мы вчера допоздна ждали Нину и не выспались.

Девушки расплатились, и мы все вместе вышли из кафе. На всякий случай я ухватил Нину за руку, чтобы дать ей понять, что домой еще рано.

- Прогуляемся перед сном? – предложил я Нине, когда мы простились с ее подругами.

Мы направились по безымянному переулку, который позднее назвали в честь Вацлава Гавела, к смотровым площадкам возле собора. Оттуда открывался вид на железнодорожный узел и южную, индустриальную часть города. Хотя была уже полночь, жизнь на скамейках и каменных парапетах бурлила вовсю: парочки и компании раздували последние угольки догоревшего дня, а какая-то девушка даже играла на гитаре. Мы остановились неподалеку и слушали, как она поет “Любовь подобна вечерней звезде”²⁶ – я никогда раньше не слышал эту песню в женском исполнении. В какой-то момент девушка сфальшивила и, резко дернув по струнам, рассмеялась. Да, Вацлав Грабье – это совсем, совсем другая эпоха.

– У тебя такие большие губы, – сказала вдруг Нина, – почти негритянские. Я их когда-нибудь нарисую.

– Это чтобы лучше тебя целовать, – ответил я и обхватил ладонями ее лицо. – Ночуешь сегодня у меня?

- У тебя? – засомневалась Нина. – Ну не знаю... А ты не съешь меня, как волк?
- Только чуть-чуть надкушу.

– Не уверена, что это хорошая идея, – не сдавалась Нина. – За пижамой придется заходить...

- А моя футболка не годится?

– Да мне еще всякое другое нужно... И да, заранее предупреждаю: пижама у меня дурацкая.

- Так что, отправляемся за пижамой?

²⁶ “Любовь подобна вечерней звезде”. – Чешский хит конца 1970-х, написанный на стихи Вацлава Грабье “Вариация на тему Ренессанса” (*Variace na renesanční téma*). Песня приобрела популярность в исполнении Владимира Мишика.

– Или ты меня просто проводишь до дома.

Мы прошли через Денисовы сады и спустились по Студанке на Копечную, где у Нины было временное прибежище.

– Я на пять минут, – сказала она, подмигнув, а потом добавила: – Если через пятнадцать минут не вернусь, значит, я осталась у себя.

Да, подумал я, тут есть некая симметрия: вчера она ждала меня перед домом, а сегодня я ее. Неужели и вправду прошло только двадцать четыре часа? Иногда жизнь долго запрягает, но быстро едет.

Из кабаре “Шпачек”, что было прямо напротив, высыпала кучка людей; я увидел среди них одного знакомого поэта и помахал ему.

– Чего ты там торчишь, как дохлый трубадур? – прокричал он мне через дорогу.

– Я уже свое оттрубил.

Словно в подтверждение моих слов на лестнице дома зажегся свет, и спустя минуту Нина уже была внизу.

– Ничего, если я по дороге выкурю сигарету? – спросила она.

– Ну, если ты взяла зубную щетку...

– Черт! Я сейчас.

Нина снова заскочила в дом, а я снова прислонился спиной к стене.

– Опять сбежала? – донеслось с другой стороны улицы.

– Без паники, сейчас вернется. Пошла за зубной щеткой.

– Ну и славно. Зубная щетка в сумочке сулит многое, – изрек поэт.

Мы пришли ко мне; я открыл дверь и пригласил Нину войти. Из прихожей мы свернули не направо, в кухню, а налево, в комнату. Я включил свет, и в темных окнах появились наши отражения. Мы так и стояли вместе с ними – Нина осматривалась по сторонам, и Нина в стекле делала то же самое.

– Будешь что-нибудь?

Она покачала головой.

– Ну и хорошо, потому что у меня почти ничего нет. Воды?

– Не ходи никуда.

Мы обнялись.

– Спать? – спросил я.

– Мне еще нужно в душ.

– Тогда иди первая.

– Нет, давай ты.

Когда я вышел из ванной, Нина сидела в кресле, обняв колени, и смотрела в темный сад.

– Твое полотенце на стиральной машине, – сказал я.

Я погасил большой свет и включил лампу на подоконнике. Забравшись в узкую кровать, я ждал Нину. Услышал, как она включила душ, потом наступила тишина – Нина намыливалась. Потом снова зашумела вода – Нина смывала с себя пену. Через какое-то время зажурчала вода в раковине – Нина чистила зубы. Наконец дверь ванной открылась. Пижама, в которой появилась Нина, была действительно дурацкой.

– А я тебя предупреждала, – сказала она, забравшись под легкое одеяло и прижавшись ко мне.

Мы погасили лампу и несколько минут всерьез думали, что будем спать. Но потом я освободил Нину от верха ее дурацкой пижамы и почувствовал на себе тяжесть ее груди. Судя по всему, к своим двадцати годам она уже знала, как они действуют на мужчин: потерявшись ими об меня, она вложила сосок мне в рот.

– Я знаю, это прозвучит как отговорка, но у меня сейчас месячные, – через некоторое время прошептала она.

Я задумался над ее словами – интересно, они только звучали как отговорка или отговоркой и были, – но потом решил, что это неважно.

– Вряд ли они дольше, чем на неделю, – прошептал я в ответ в темноту.

– Ну, иногда они тянутся бесконечно.

– Бесконечно тянется совсем не это.

Мы вслепую ощупывали друг друга. Ее тело еще казалось мне чужим, я пока не измерил его своими руками и пальцами. Оно то ускользало, то неожиданно подставляло мне выступающие кости. У меня давно никого не было, и, наверное, в памяти сохранились какие-то старые мерки, которым Нина явно не соответствовала. Мне еще предстояло выучить ее тонкие руки и длинные бедра, плоский живот, острые ключицы и вытянутую, как у левретки, спину. Видимо, и с Ниной происходило что-то подобное: она блуждала по мне губами, словно рыба в мутной воде, не зная еще моего тела. В какой-то момент она спросила, не стоит ли ей спуститься ниже, но я ответил, что лучше я ее дождусь.

* * *

Утром я проснулся первым. В задернутые шторы уже снова било солнце, словно пытаясь их распороть. Я сходил на кухню за стаканом воды и, вернувшись, пустил в комнату немного света. Усевшись в кресло, я сосредоточенно наблюдал за тем, как Нина спит. Как Нина дышит. Прижимается головой к подушке. Из-под одеяла высовывается ее колено. Просыпаясь, она еле слышно причмокивает. Неохотно открывает глаза – ресницы словно застегнуты на липучку.

– Привет, Нина, это я.

в предыдущих сериях

В той необыкновенной печали, которая наполняет человека с момента, когда он, выйдя из детского возраста, начинает осознавать, что обречен неотвратно и в жутком одиночестве идти навстречу своей будущей смерти, в этой необыкновенной печали, которая, собственно, имеет уже название – страх перед Богом, человек ищет себе товарища, чтобы рука об руку с ним приблизиться к покрытой мраком двери; и если он уже познал, какое бесспорное наслаждение доставляет пребывание в постели с другим существом, то считает, что это слияние двух тел могло бы продолжаться до гробовой доски; такая связь может даже казаться отвратительной, поскольку события-то развиваются на несвежем и грубом постельном белье и в голову может прийти мысль о том, что девушка рассчитывает остаться с мужчиной до конца своих дней, однако никогда не следует забывать, что любое существо, даже если его отличают желтоватая увядающая кожа, острый язычок и маленький рост, даже если у него в зубах слева вверх зияет бросающаяся в глаза щербина, что это существо вопреки своей щербатости вопиет о той любви, которая должна избавить на веки вечные от смерти, от страха смерти, который постоянно опускается с наступлением ночи на спящее в одиночестве создание, от страха, который, подобно пламени, уже начинает лизать и охватывать полностью, когда ты сбрасываешь одежду, так, как это делает сейчас фрейлейн Эрн: она сняла зашнурованный красноватого цвета корсет, потом на пол опустилась темно-зеленая суконная юбка, а за ней – нижняя юбка.
Герман Брох. «Лунатики»

я, ты и Ты

Я написал абзац: *Утром я проснулся первым. В задернутые шторы уже снова било солнце, словно пытаюсь их распороть. Я сходил на кухню за стаканом воды и, вернувшись, пустил в комнату немного света. Усевшись в кресло, я сосредоточенно наблюдал за тем, как Нина спит. Как Нина дышит. Прижимается головой к подушке. Из-под одеяла высовывается ее колено. Просыпаясь, она еле слышно причмокивает. Неохотно открывает глаза – ресницы словно застегнуты на липучку.*

А может быть, лучше написать во втором лице и в настоящем времени? *Утром я просыпаюсь первым. В задернутые шторы уже снова бьет солнце, словно пытаюсь их распороть. Я иду на кухню за стаканом воды и, вернувшись, пускаю в комнату немного света. Усевшись в кресло, я сосредоточенно наблюдаю за тем, как ты спишь. Как ты дышишь. Прижимаешься головой к подушке. Из-под одеяла высовывается твое колено. Просыпаясь, ты еле слышно причмокиваешь. Неохотно открываешь глаза – ресницы словно застегнуты на липучку.*

Так ли уж важны время и лицо?

Иногда у меня такое чувство, будто мне не остается ничего другого, кроме как проспрыгать нас по лицам и добраться до самого инфинитива.

И вроде бы здесь есть ты и есть я, вроде бы все, как обычно, но одновременно все по-другому, и я первый, кто это понял. Я беру твое имя, Нина, добавляю к нему другие имена: существительные, но не всегда существенные, прилагательные, имена собственные и чужие, названия местные и неуместные, – и все это ради того, чтобы у тебя разругались щеки и заблестели глаза; в каждой главе я накрашиваю тебя перед зеркалом монитора и всячески прихорашиваю, чтобы ты могла выйти в люди, а потом в языковом гардеробе выбираю для тебя глаголы, больше всего подходящие для твоего темперамента и твоих манер.

Ты мой персонаж, и поэтому я забочусь о тебе. Ты мой манекен, моя марионетка, моя перчаточная игрушка, моя надувная кукла, у которой с самой собой общего столько же (не стану уточнять, много или мало), сколько у любовного романа с любовными отношениями.

Я блуждаю по строчкам этой книги одновременно как субъект ее и как объект, едва отличая одну свою личину от другой, ты же здесь просто как то да сё. При случае я могу обращаться к тебе, вот прямо как сейчас, но это ничего не значит, это лишь грамматическое “ты”, которое ничего не весит, это второе лицо, даже слишком второе. “Нина, Нина, Нина”, – пишу я, но это как стих без воздуха, молитва без пылкости, заклинание без магии – Нина, Нина, Нина, – которой твое имя наделяло только твое присутствие. На мне маска шамана, и я совершаю ритуал написания любовного романа, водя обгоревшей палкой по полному золы кострищу, но здесь нет главной составляющей любовных отношений – присутствия другого сознания, этого испепеляющего огня, разведенного на зеркале, огня, которому под силу переплавить это зеркало в подобие оракула.

Мне осталась одна-единственная надежда. Все города, которые я здесь возведу, все улицы, которые опишу, все дома, чьи двери открою, и все комнаты, где мы будем ссориться, мириться и любить друг друга (если, разумеется, верить моим словам), хотя и сделаны из бумаги, дают мне возможность дышать. И за стеной, к которой я в своей комнате время от времени прикладываю ухо, чтобы не сойти с ума, тоже иногда кто-то кашляет, или, бывает, мне слышно, как скрипит кровать или кресло, случается даже уловить пару слов. Я ничего не знаю о своем соседе, кроме того, что он там есть, но мне и этого достаточно. Его существование подтверждает, что я тоже существую. Поэтому больше всего я пестую язык. Он словно канат у меня в руках: дергая за него, я чувствую, что кто-то держит его с другого конца, и пока этот кто-то не разжал пальцы, я могу тянуть канат, а мои персонажи могут перебираться по нему через пропасть.

Иными словами, роман всегда парадоксален, а любовный роман парадоксален в особенности, и главный его парадокс – это Ты. Не ты, Нина, любовь моя, ты теперь всего лишь *flatus vocis*, дуновение голоса, шепот памяти, фантомная конечность, которая зудит по ночам, хотя давно уже ампутирована и – что еще хуже – пришита к другому телу. Не ты – Ты. Да, это с Тобой я говорю, это Ты держишь другой конец каната, и я, приложив ухо к стене, слышу, как Ты дышишь, читая книгу.

Memories are made of this

Мне удалось выехать из Брно, не застряв в пробках. Заводские цеха, склады и торговые комплексы, занимающие окраину города, остались позади; я уносился по широкой автостраде на юг. Я ехал быстро, быстрее, чем положено; при обгоне машина глотала белые полосы, будто в старой компьютерной игре, по обеим сторонам дороги мелькали свежееубранные поля. Открыв бардачок, где валялись диски с музыкой, обычно перескакивавшие с одного трека на другой, я выудил оттуда сборник Джонни Кэша. Поставил диск в проигрыватель и обогнал еще один автовоз, набитый разноцветными кузовами. С тех пор, как построили автостраду, дорога до Погоржелице, где жили бабушка с дедом, занимала меньше получаса.

Последний месяц лета прошел в каком-то тревожном возбуждении и возбужденной тревоге. В начале августа Нина уехала в Бари, и мы общались с ней только через интернет. Вечерами я ходил в пустую редакцию, включал компьютер, отвечал на несколько рабочих писем, присланных за день, а потом щелкал на синюю иконку Скайпа. Мы с Ниной тогда почему-то редко созванивались, в основном писали друг другу сообщения. Порой мне казалось, что лучше было бы остаться дома и заняться чем-то другим или, скажем, написать Нине настоящее письмо, но вместо этого мы с ней все строчили и строчили в чате. Выходила какая-то ерунда. Минут через двадцать мы оба понимали, что разговор катится на холостом ходу и чем-то напоминает игру шарманки: простая мелодия в нем, конечно, была, но о гармонии оставалось только мечтать; мы то и дело повторялись, отчаянно петляя по извилинам диалога, но остановиться уже не могли и стучали по клавишам, как упорные кладоискатели, которые надеются рано или поздно найти заветный сундук.

Нина присматривала в Бари за четырехлетним мальчиком по имени Паоло: отец – итальянец, мать – чешка. Я без труда представил себе темпераментного сопляка, как раз переживающего первый возрастной кризис. Разозлившись, он дергал Нину за волосы и не мог уговориться до тех пор, пока Нина не разрешала ему засунуть руку ей под футболку и как следует потискать грудь. Уж лучше он, чем его отец, успокаивал я себя. В особняке на окраине Бари Нина была в безопасности, но в городе ее то и дело окликали местные мужики, словно устраивая аукцион прямо на улице и предлагая все новые ставки.

Случались вещи и похуже. Однажды, когда она возвращалась на велосипеде с пляжа по пустой дороге вдоль моря, за ней увязалась машина с тонированными стеклами. Из открывшегося окошка высунулась мужская голова, и водитель велел Нине остановиться. Она продолжала крутить педали, и тогда машина стала прижимать ее к тротуару.

WTF?!

Все хорошо, я уже дома.

Черт!

Лучше бы меня похитили?

Да нет, черт возьми, я за тебя переживаю.

Можно было свернуть на тротуар, а потом на пешеходную улочку. Но я, конечно, струхнула.

Кошмар.

Погоди, достану йогурт для Паоло...

Необычнее всего было то, что я не понимал, в каких мы отношениях. Мы с ней пара – или кто? Наш с Ниной общий баланс был не то чтобы положительным. Я познакомился с ней в

Оломоуце, через некоторое время она ни с того ни с сего объявилась в Брно, потом мы провели пару дней в Высочине. А еще через неделю я уехал в летнюю школу, а она – в Бари.

Вдобавок после авторского чтения в Остраве я приятно провел время с падчерицей Балабана Маркетой. Она походила на моих предыдущих девушек гораздо больше, чем Нина.

В общем, из разрывающих меня на части чувств я мог бы разложить пасьянс на приборной панели.

Съезд с автострады я чуть не проскочил, в последнюю секунду перестроившись в правый ряд. Сразу за развязкой показался городок Погоржелице. Белая коробка типографии “Моравия букс” выросла у дороги недавно, зато дальше последовала уже хорошо знакомая мне комбинация: автозаправка, черед частных домов, мост через реку Йиглаву, поликлиника, ратуша, почта, рыночная площадь и белая церковь, перед которой я свернул налево. Миновал бывший магазин электротоваров, где мы покупали батарейки для моих “Электроник”, и до сих пор существующую мясную лавку, где мне никогда не нравилось.

Припарковавшись на подъездной дорожке, я вытащил ключ зажигания – постаревший Джонни Кэш, чей голос напоминал рашпиль, умолк на полуслове. Раньше, едва я появлялся во дворе, меня тут же кто-нибудь встречал, но Жучка умерла года два назад (разве я не сам нашел ее в малиннике с мухами на языке?), а бабушка с дедушкой все больше времени проводили дома. Прежде они целыми днями были на улице: бабушка ухаживала за цветами, а дедушка за кустами и кроликами, или же оба просто болтали с соседями по своему учительскому дому, – но за последние годы они порядком сдали.

Даже запирались начали: нажав на дверную ручку, я, кажется, впервые в жизни не смог войти в квартиру, так что пришлось воспользоваться звонком.

– Яник, как же ты вырос! – воскликнула бабушка, всплеснув руками, хотя расти я перестал давным-давно, и обняла меня. – Да ты уже выше деда!

В матовом стекле двери появилось продолговатое пятно. Оно постепенно увеличивалось в размерах по мере того, как худая старческая фигура приближалась к прихожей.

– Ты хорошо доехал? – поинтересовалась бабушка.

Тут к нам вышел дед. Он поздоровался со мной по-моравски и протянул свою длинную руку, которой не раз отвешивал мне затрешины. Чуть поколебавшись, мы обменялись поцелуями в щеку. Прежде дед бы так не сделал, но с возрастом он стал нежнее. И еще одно: благодаря поцелую я понял, что дед нынче не брился, а ведь раньше это было совершенно невозможно. Бритье входило в число его обязательных утренних ритуалов, закладывая фундамент дня. Именно от деда я получил на восемнадцатилетие свою первую электробритву и точные инструкции, как ею пользоваться. “В бритье главное – область кадыка”, – объяснял он и поттичи вытягивал перед зеркалом шею, обучая меня мужским повадкам.

– Да ты проходи, проходи, – подталкивала меня бабушка. – Как же хорошо, что ты приехал. Сейчас чай заварю.

– Итушка, мы сегодня еще кофе не пили, – напомнил дед.

– Тогда давай с нами кофейку? – предложила мне бабушка. – У нас и пирожные есть...

Оба они передвигались уже с трудом. Бабушка зашаркала в кухню, а дед поплелся в комнату и опустился в потертое коричневое кресло. Мы задали друг другу традиционные вопросы, какие обычно звучат при встрече, и дед принялся извиняться – мол, ему, собственно, и рассказать-то нечего: он нигде не бывает, ничего нового у них не происходит, а повторять телевизор – дело бессмысленное. И это говорил человек, который полжизни провел за учительским столом и при малейшей возможности горячо спорил о политике, нередко утомляя всех своими рассуждениями.

Если кормление кроликов, завтрак и бритье означали для деда начало дня, то новостная заставка возвещала наступление вечера – вместо колокольного звона, с которым сверялся когда-то его отец. Впрочем, дед телевизор не смотрел – он с ним спорил. Я вдруг вспомнил,

что еще совсем недавно в новом здании на окраине города с блестящих типографских станков соскальзывали страницы “Майн кампф”; дед организовал тогда петицию протеста, будто пытаясь хотя бы теперь остановить наступление Гитлера, раз уж он не сделал этого в юности. Петиция ни к чему не привела: рынок изменился, как объяснили деду в типографии, и “Майн кампф” стала пользоваться спросом. Помимо крайне правых, в своей любознательности решивших припасть к первоисточникам, существовали еще толпы историков-самозванцев, которые в то время бились над бессмысленным вопросом, что хуже – нацизм или коммунизм, и были не прочь откопать подходящую цитату из Гитлера, чтобы сопоставить ее с высказыванием Сталина.

– Яник, помоги мне все донести, – попросила бабушка, приоткрыв дверь комнаты и просунув голову в щель.

Я проследовал на кухню, где все уже было готово: на пластмассовом подносе стояли позолоченные чашки со свежесваренным кофе и тарелка с тремя эклерами.

– У меня руки дрожат, – произнесла бабушка извиняющимся тоном и улыбнулась так, что я не удержался и погладил ее по крашеным жиденьким волосам с отросшими корнями.

Здесь, в этой тесной кухоньке, она перебирала ягоды из сада, а я ребенком уплетал их за обе щеки. Здесь мы вместе жарили блинчики и картофельные оладьи; дома эти блюда слыли верхом кулинарного искусства, но бабушка умела наколдовать их в два счета, удивляясь, что тут может быть сложного.

– Надеюсь, вы с дедом еще не все обсудили, – начала она, когда мы вернулись в комнату.

– Да мы пока особо ни о чем и не говорили, – ответил я.

Предполагалось, что именно я должен рассказывать им о том мире, откуда явился, раз уж они почти не выходят из дома. Но вот только случаи из жизни никогда не были моим любимым жанром.

– Мы слышали, у тебя новая барышня... – И бабушка хитро подмигнула. – Ты нам ее покажешь?

Я засмотрелся на гибискус, разросшийся в просторном горшке у южного окна и усыпанный цветами размером с кулак. Год от года он все больше ветвился, покрываясь в конце мая красными пятилепестковыми цветками, которые появлялись по утрам, словно волшебные дары ночи. До октября он успевал сменить их больше ста. Этот гибискус всегда казался мне членом семьи, его крупные чашевидные цветы как будто прислушивались к тому, что происходит вокруг, добавляя и кое-что от себя, в частности, свой аромат, причем особенно в те часы, когда с наступлением традиционной послеобеденной сиесты в доме воцарялась тишина. Именно тогда они и заявляли свое “я пахну, следовательно, я существую”.

– Если хотите, могу показать вам ее фотографию, – предложил я, доставая из рюкзака фотоаппарат, который захватил с собой, чтобы заснять бабушку с дедом.

– Она там, внутри? – удивилась бабушка и, надев очки, воскликнула: – Ой, Яник, какая красавица! Обязательно привези ее к нам, не то мы решим, что ты взял напрокат манекенщицу.

– погоди, дай посмотреть специалисту, – дед заглянул в дисплей фотоаппарата. – Блондинка, говоришь?

– Я вообще молчу.

Я даже толком не знал, встречаемся ли мы с Ниной.

– А у тебя нет фотографии, где вы вдвоем? – поинтересовалась бабушка, которая в подобных ситуациях всегда оживала. – Ты у нас этакий южанин, а она совсем светленькая, так что вы наверняка отлично смотрите вместе. Как та шведка с Марчелло Мastroяни, понимаешь, о ком я?

– Да, она и правда немного похожа на Аниту Экберг. Кстати, наше следующее свидание будет в Риме.

– Слышишь, дед? – позвала бабушка. – Твой внук едет на свидание в Рим!

– Как в Рим? Нет, я, конечно, понимаю, что за красивой девушкой ты отправишься хоть на край света, но Рим все-таки далековато.

– Нина сейчас работает няней на юге Италии, вот мы и решили встретиться в Риме.

– Как романтишно, – вздохнула бабушка.

– Значит, ты поедешь через Паданскую низменность – обрати внимание на тамошний ландшафт, – в деде заговорил географ.

– Да ну тебя, дурачок, только о ландшафте ему и думать! – весело одернула его бабушка. – Надо же – свидание в Риме!

– Главное, не забудь, что я тебе говорил, – напомнил дед. – С красивыми женщинами ох как непросто, за ними вечно кто-то бежит, уж я-то знаю, о чем толкую...

– Еще бы! Небось и сам в свое время набегался за юбками, – подколола его бабушка.

– Да ну, Итушка, все-то ты путаешь. Это за тобой бегали, – ухмыльнулся дед и глотнул кофе, который переливался в чашке разноцветными пузырьками.

Я решил, что бабушка с дедом уже приободрились, и приготовился выложить им свой план.

Мне хотелось свозить их в Палаву. В Палаву, куда они брали меня каждое лето, которое я проводил у них. Мы бродили по холмам, и я, еще ребенок, выискивал места, где перистый ковыль колыхается, как море, или спускались на велосипедах вниз, к Мушовскому водохранилищу – там дедушка учил меня плавать, бросая мне в воду, словно собачке, теннисный мячик, а потом покупал в награду жареные лепешки и желтый лимонад, в котором тонули осы.

Но не успел я еще и рот открыть, а бабушка уже достала карты. В карты мы играли, сколько я себя помню, – в основном в рамми, расплачиваясь за проигрыш десятигеллеровыми монетами, пока их не перестали выпускать. Дедушка играл осторожно, сразу сбрасывая комбинации, чтобы сильно не проштрафиться, а вот бабушка любила побеждать с блеском: она держала карты в несколько рядов, ничего не выкладывая, и заканчивала игру лихо, в один присест – или же наоборот не могла наскрестить монет, чтобы расплатиться за проигрыш.

Я потянулся к потрепанной колоде, якобы растасовать карты, и как бы невзначай предложил:

– Может, лучше съездим в Палаву?

Бабушка с дедом уже давно, кроме поликлиники, никуда не ездили и ездить не желали. Они переглянулись, и дедушка переспросил:

– В Палаву? Но ты же знаешь, что мы теперь плохо ходим.

– А вам и не придется. Мы просто прокатимся туда и обратно.

– Яник, давай лучше дома побудем, – вступила бабушка. – Я когда за эклерами выходила, на улице сильно дуло. Дедушка может простыть. Мы так рады, что ты к нам приехал, давай просто тут посидим.

– Бабушка, у меня ведь не кабриолет. А в машине дедушка не простынет.

Они снова переглянулись, и дедушка буркнул:

– Бензин только тратить...

– Тратить, значит?! – для виду рассердился я. – Я хочу свозить вас в Палаву, вот и все! Помните, как мы ездили туда летом? И купались у Мушова? Теперь моя очередь показывать вам эти места. Ну, когда вы их еще увидите?

Ненадолго воцарилась тишина, бабушка с дедом будто и впрямь погрузились в воспоминания, а потом дедушка произнес:

– Как такое не помнить? Я и с учениками сколько раз туда ездил.

Тут в нем снова проснулся географ, и он добавил, даря мне надежду на успех:

– Оттуда весь Венский бассейн виден как на ладони.

– Ты же, кажется, служил в Микулове? – подлил я масла в огонь.

– Да, оттуда мы грозили кулаками австрийцам... А потом с юга пришли венгры, с севера – поляки, с востока – русские²⁷.

– Ну так что, едем?

Бабушка смотрела в окно, словно не желая участвовать в разговоре, и дедушка обратился к ней:

– Итушка, может, съездим еще разок?

Его голос звучал почти умоляюще.

Я еще даже эклер не доел, а из ванной уже донеслось жужжание дедушкиной электробритвы. Он опять вытягивал по-птичьи шею, чтобы кожа под подбородком натянулась и лезвие захватило короткую и жесткую седую щетину. А потом дверь ванной распахнулась, прихожая наполнилась запахом одеколона, и в нее, словно медуза в облаке чернил, выплыл пожилой господин. Он сделал три шага в сторону зеркала, достал из заднего кармана брюк гребешок и причесал свои белые волосы. Так он поступал каждый раз, когда собирался выйти из дома, даже если нужно было просто вынести мусор или зарезать кролика. Где-то внутри дед по-прежнему оставался высоким стройным красавцем, который привык задавать тон и очаровывать всю учительскую.

– Не знаешь, где моя оранжевая жилетка, которую ты вязала? – спросил он у бабушки, открыв свой шкаф с одеждой.

– Он и в гробу себе станет галстук поправлять... – подмигнула мне бабушка и отправилась на поиски жилетки.

Вскоре она появилась в новой юбке и колготках и принялась искать туфли, которые налезли бы на ее ноги с распухшими косточками.

Осторожно, держась за гладкие перила, мы спустились вниз по ступенькам. Я обошел машину, чтобы помочь бабушке усестись на заднее сидение, а дедушка тем временем устроился впереди.

Оказалось, что увидеть другой район Погоржелице для них уже событие.

– Сколько тут всего понастроили! – удивлялся дедушка, неотрывно глядя на новые цеха и склады, – он словно очутился в городе, где не был уже лет пять.

– А туда я ездила на велосипеде во Власатице, – сказала бабушка, указывая на дорогу, тянущуюся вдоль фазаньей фермы.

Дед преподавал в средней школе, а бабушка учила первоклашек читать и писать. В последние годы перед пенсией она разъезжала на велосипеде по окрестным деревням, где замечала молодых учительниц, которые, едва взяв указку в руки, тут же отправлялись в декрет, и вместо них учила детей прописи: на восьмом месяце выводить букву *В*, а на девятом – *Д*.

Мы проехали по длинной насыпи между Мушовским и Вестоницким водохранилищами, а потом свернули с трассы и стали подниматься в гору вдоль виноградников. Сентябрь только начинался, гроздья созревали, среди кустов трещали отпугиватели птиц, и возникало ощущение, будто мы оказались на поле боя. Я сбавил скорость, чтобы бабушка с дедом могли полюбоваться окрестностями.

– Известняковые отложения вторичного периода лежат здесь на более поздних третичных горных породах, – сообщил дед.

– Яник, тут так красиво! – воскликнула бабушка, которой не было никакого дела до вторичного известняка.

Дедушка верил в постоянство литосферных плит, взглядов и принципов, бабушка же ценила хрупкость: цветы в саду и деревенские первоклашки убедили ее в том, что прекрасное, как правило, недолговечно.

²⁷ А потом с юга пришли венгры, с севера – поляки, с востока – русские. – Имеются в виду события 1968 года, когда в Чехословакию были введены войска Варшавского договора.

Мимо нас промчалось несколько мотоциклистов, уверенно восседавших на мощных драндулетах. На следующей развилке мы свернули налево, и вскоре перед нами открылся вид на восточные склоны Павловских гор и холмистую долину. Мы ехали настолько медленно, что нас обгоняли даже велосипедисты. Я включил аварийку, чтобы было понятно, что мы на экскурсии.

– Можешь где-нибудь здесь остановиться? – попросил дед.

Я съехал на дорожку из белого гравия, ведущую к виноградникам.

– Выйдем ненадолго?

– Пока просто стекла опусти, – ответил дедушка и сделал глубокий вдох, словно желая для начала привыкнуть к местному климату. – Наверное, та самая “палава”²⁸, – произнес он, не отрывая взгляда от гроздьев винограда. – Пойдем, Итушка, посмотрим поближе.

Я обошел машину, чтобы открыть им дверцы и помочь выйти. Бабушка с дедом с трудом выпрямились, и дед предложил бабушке руку, хотя поддерживать нужно было скорее его. Опираясь друг на друга, они заковыляли в сторону виноградника.

Дедушку, однако, больше всего интересовал ландшафт. Виноградники здесь резко уходили вниз, а вдали осколком зеркала сверкал восточный край водохранилища. Таким я помнил деда с самого детства: вот он стоит на горе и всматривается в пейзаж, то ли любуясь им, то ли замышляя передислокацию своих армий. Откуда-то снизу подул ветерок, встопорчив дедовы седые волосы. Бабушка прижалась к деду плотнее, он же, вытянув свободную руку, на что-то указывал. То ли перечислял названия деревень, видневшихся вдали, то ли рассказывал о маневре австрийских войск перед битвой под Аустерлицем, то ли просто вспоминал о чем-то. Прислонившись к капоту машины, я смотрел на две фигуры: одна – высокая и стройная, другая – чуть пониже и слегка сгорбленная. Немного комичные и абсолютно реальные.

Я подумал о своей зеркалке на заднем сиденье. А еще о том, что *самого главного глазами не увидишь*. Затертые до дыр цитаты иногда оказываются самыми меткими, особенно если это Сент-Экзюпери. Я вдруг вспомнил, как однажды взял с собой на каникулы в Погоржелице “Южный почтовый”, и мы с бабушкой буквально вырывали книгу друг у друга из рук. Писатель-летчик – это было ему близко. Столь же близок был ему писатель-авантюрист, который охотится на львов в Африке, воюет с фашистами в Испании, а потом вместе с американскими отрядами отправляется освобождать Париж. Но вот его собственный сын-писатель был ему уже не так близок.

Бабушка с дедом еще какое-то время сопротивлялись ветру, но вскоре вернулись к машине.

– Я, пожалуй, сяду теперь сзади со своей супругой, – заявил дедушка.

Со своей супругой? Я убрал рюкзак с фотоаппаратом в багажник, чтобы освободить место, и помог двум голубкам усесться рядышком.

– Куда желаете, господа? – спросил я, обернувшись к ним.

– Ох, Яник, “москвич” у нас когда-то был, но вот чтоб собственный водитель... – отозвалась бабушка.

– Значит, через Павлов и вниз, к водохранилищу, – распорядился дед. – Джонни, можешь и дальше ехать на той же скорости?

Я снова включил аварийку, стараясь не разогнаться больше двадцати, хотя правая нога так и норовила нажать на газ. Мы миновали гору Девин; впереди на вершине показались руины замка. Узкое шоссе, пролежавшее между кустами и виноградниками, ползло вниз – и вдруг

²⁸ Наверное, та самая “палава”... – Палава – это не только название заповедника в Южной Моравии и входящей в него возвышенности, но и название сорта винограда (полученного скрещиванием сортов “гевюрцтраминер” и “мюллер-тургау”), из которого производят сладкие и полусладкие белые вина.

нашим глазам открылась живописная панорама. Мы медленно проехали через Павлов, а потом, спустя несколько поворотов, оказались внизу, на берегу Новомлынского водохранилища.

Прежде дедушка пустился бы в рассуждения о том, нужно ли было затоплять местные пойменные леса, вспомнил бы об ушедшей под воду деревне Мушов, от которой остался только остров с церквушкой. Теперь же я в зеркале заднего вида наблюдал за тем, как он сидит, поджав тонкие губы, со взглядом, полным горькой настойчивости.

Дорога вдоль берега была вся залатана. Мы дотащились до Долни-Вестонице, и я приготовился услышать что-нибудь о Кареле Абсолоне и Йозефе Сейдле, обнаруживших Вестоницкую Венеру. Но сейчас для дедушки даже этой палеолитической матроны – и той не существовало, хотя он полвека рассказывал о ней школьникам.

Я припарковался на насыпи, разделяющей Вестоницкое и Новомлынское водохранилища. Опускался вечер, и над водой носились тысячи птиц. Кто как не дедушка мог бы объяснить, что сюда на зимовку перебираются с севера гуси, утки, гоголи, поганки и даже гагары. Я не знал, кто из них когда сюда прилетает, а главное, не отличал их друг от дружки (впрочем, для перелетных птиц время еще не пришло); я распознал только чаек и, кажется, крачек, круживших над насыпью. Посреди водохранилища торчало несколько сухих деревьев – последние могикане пойменного леса, исчезнувшего под водой. Некоторые из них были облеплены птицами, по неясной команде поднимавшимися в воздух и вновь опускавшимися на засохшие сучья, словно дерево было намагничено, а птицы были с железными сердцами и могли только ненадолго отлепиться от своего насеста, да и то с большим трудом.

– Господи, – прошептал дедушка, и я заметил в зеркало, как заблестели у него глаза.

– Господи Боже, – повторил он, пока бабушка нащупывала его руку.

Я снова опустил стекла, вопли чаек усилились, в машину прокрался ветер. Слева от нас, над Вестоницким водохранилищем, солнце резко садилось, и его косые лучи отражались от водной глади так, что на нее невозможно было смотреть. Но справа то же самое солнце все еще окутывало Новомлынское водохранилище теплой желтизной, словно источая липкий мед.

– Итушка, это же наш последний раз, – прошептал дед.

– Да ладно, будет тебе, – возразила бабушка без особой уверенности.

Не осмеливаясь обернуться, я смотрел на бабушку с дедом в рамочку зеркала над приборной панелью и потому знаю, что они держались за руки и плакали. Ее лицо еще освещалось лучами низкого солнца, проникавшими сквозь боковое окошко, а его – уже терялось в тени. В этот миг и у меня к глазам подступили слезы. Отправляясь в Погоржелице, я вспомнил дедушкины уроки и в последнюю минуту решил побриться, чтобы сделать ему приятное. Теперь я чувствовал, как мелкие ранки на щеках пощипывает от слез.

А дедушка? У него тоже саднило лицо? У всех мужчин саднит лицо, если они сначала побреются, а потом плачут?

Я включил им тихонько Джонни Кэша, а сам, чтобы не мешать, вышел из машины. Прислонившись к белому ограждению, я смотрел на воду и на прибившиеся к берегу обломки деревьев, которые нелепо толклись внизу. Значит, такое и правда случается. Можно вдвоем встретить старость. Я глядел на жемчужную гладь, на резные гребешки волн, на черных птиц, на бледное небо и на свою подержанную синюю машину, где на заднем сиденье близился к развязке голливудский фильм, который никто никогда не увидит.

*Take one fresh and tender kiss
Add one stolen night of bliss
One girl, one boy,
some grief, some joy
Memories are made of this*

One man, one wife, one love for life
Memories are made of this

мужчина встретил любовь всей своей жизни

Novinky.cz, 16 декабря 2018, 17:53

Последние несколько недель китайские газеты обсуждают трогательную историю 26-летнего мужчины, который вот уже почти два месяца практически не покидает пекинский книжный магазин в надежде снова встретить девушку, виденную им мельком, но успевшую завоевать его сердце. Он не сомневается, что эта посетительница популярного книжного магазина – женщина всей его жизни, поэтому он уволился с работы и каждый день, с одиннадцати утра до семи вечера, проводит время в торговом зале. Мужчина верит, что опять встретит ту самую незнакомку и на этот раз сможет признаться ей в своих чувствах. Чтобы увеличить шансы на успех, он раздает покупателям собственноручно нарисованные портреты своей избранницы.

Сунь – так звучит фамилия мужчины – сообщил журналистам, что сразу не обратился к незнакомке, потому что в тот момент находился в обществе другой девушки. Та изъявила желание с ним встречаться, и он не хотел ранить ее сердце, заведя разговор с посторонней.

Сунь сказал, что когда он и потенциальная женщина всей его жизни секунд на десять установили зрительный контакт, то между ними возникла “особая связь”. Вскоре Сунь понял, что должен приложить все усилия, чтобы снова встретить эту девушку. А поскольку этот высший долг оказался несовместим с его работой, он написал заявление об увольнении.

Безработный мужчина живет, занимая в долг у близких и друзей, но о своем решении не жалеет. “Вы зарабатываете деньги, чтобы обеспечивать семью. Но какой смысл зарабатывать, если никакой семьи у вас нет?” – говорит Сунь в видеоролике, который стал вирусным в китайском интернете.

Сунь допускает возможность, что девушка не проявит к нему интереса, но хочет какой-то определенности. При этом его психическое состояние явно ухудшается, о чем свидетельствует тот факт, что Сунь подал на девушку судебную жалобу за причинение эмоционального ущерба. Он не знает имени своей избранницы, поэтому иск был предъявлен неизвестной ответчице. Неудивительно, что, по общему мнению, девушка должна держаться подальше от этого сумасброда...

с Гуглом в Риме

Я подцепляю человечка в правом нижнем углу экрана и ставлю его прямо перед железнодорожным вокзалом Термини. Мы с ним смотрим налево, смотрим направо, а потом я говорю ему: “Ищи влюбленных”. Даю обнюхать мое сердце и повторяю: “Ищи”. Вот так теперь работает писатель, вспоминая прошлое.

Гуглик несется по городу, застывшему в несуществующем моменте, мимо людей с размытыми лицами. Обегает квартал и останавливается на площади Пьяцца-дель-Индепенденца. Хотя это даже не столько площадь, сколько круговая развязка со сквером посередине и с автобусными остановками. Мы рассматриваем людей вокруг: на переходе замер какой-то чернокожий парень, на картонках, разложенных на жухлом газоне, кто-то спит, окружив себя пакетами. Отсюда толком не разглядеть, а ближе ни с какой стороны не подступиться: Гуглик натывается на невидимую преграду, или же у него сбивается угол зрения. Он и сам не понимает, зачем мы тут. Я присматриваюсь к пустующему дому, я же видел его в новостях – да, точно, именно здесь итальянская полиция разгоняла сквот мигрантов, где за пять лет перебивало пять тысяч человек²⁹. *Мы беженцы, а не террористы*, – было написано на полотнище, свисавшем с балкона заброшенного административного здания, но спецназ получил задание и прибыл на площадь с водометами. Я опускаю глаза на строку данных: когда здесь проехала съемочная машина Гугла? Ну, конечно, в августе 2017 года – видимо, через несколько дней после разгона; значит, эти бедолаги на картонках – последние остатки сквота, от них очистили площадь, но не ее панораму в Гугле. Мы опять смотрим на людей, спящих на газоне в центре кругового перекрестка, неподалеку на здании развевается итальянский флаг, а рядом с ним – флаг Евросоюза. Потом я снова даю Гуглику понюхать мое сердце, на этот раз полностью сосредоточив свои мысли на Нине. Ищи, след!

И действительно: Гуглик уверенно бежит прямо по шумной дороге, следом за красным городским автобусом с рекламой “Травяты” на заднем стекле. Справа остается киоск с солнцезащитными очками, майками для футбольных болельщиков и религиозными принадлежностями, слева – несколько пыльных пиний. Мы сворачиваем в боковую улочку, где лепятся друг к другу минимаркеты и мультимаркеты, а по краям теснятся припаркованные мопеды, с одного из них слезает женщина в желтом платье, которую мы чудом не сбиваем с ног; у нее тоже размазанное лицо – что же это за город такой, город безликих! Гуглик в один прыжок перемахивает через целый квартал и натывается на белый фургончик, который развозит по домам молоко. Ну что, дружок, – обойдем его или перепрыгнем? И вообще мы, кажется, немного заплутали. Гуглик раздумывает, ненадолго выскакивает из города обратно на карту, но быстро высаживается на несколько кварталов ближе к востоку, и на этот раз попадание точное: мы стоим в начале виа Принчипе-Амедео. Перед отелем “Калифорния” грустят в своих ящиках чахлые деревца, а прямо нам навстречу идет крупная негритянка в футболке с надписью *I met God – she is black*. Теперь уже и я узнаю это место; Гуглик тянет меня вперед, напав на след, и вот мы уже в компании какой-то дамы с ослепительно красным чемоданом стоим перед зданием, вжавшимся вглубь квартала, и двориком, где растут те самые деревья с мясистыми листьями. Именно в этот двор и выходило окно номера, в котором мы с Ниной провели несколько ночей, то познавая, то не понимая друг друга, и теперь, подняв глаза, я вижу наше окно: да, показываю я, вот оно, нет, этажом выше – впрочем, я уже и сам толком не помню. Мы опять натываемся на невидимое препятствие: во двор зайти нельзя, можно только рывками приближать картинку,

²⁹ ...именно здесь итальянская полиция разгоняла сквот мигрантов, где за пять лет перебивало пять тысяч человек. – Итальянское агентство ANSA приводит другие цифры: по его данным, в разогнанном сквоте за четыре года перебивало примерно четыреста беженцев из Эритреи. Сквот на площади Независимости в Риме разогнали в августе 2017 года.

да и то за счет четкости изображения. Мы просто стоим, смотрим туда, и мне вдруг становится немного грустно. Гуглик (это она тебя так назвала), ты мой цифровой Вергилий...

Гуглик находит поблизости кофейню с открытой террасой, но ничего не говорит, ничего не хочет, тушует, как бедный родственник. Заказав капучино, я окидываю взглядом окружающие меня картонные декорации, поток данных в момент виртуальной остановки: голубь замер возле ножки моего стула, так и не успев склевать крошку, напротив, в витрине магазина, словно за решеткой, томится отражение детской коляски, женщина в черном платье в белый горошек все никак не достанет из сумочки губную помаду. Меня так и подмывает подойти к каждому и как следует толкнуть в спину, чтобы все снова пришло в движение, но я понимаю, что за возможность здесь оказаться приходится чем-то платить.

Гуглик-Вергилий замечает, что я заблудился в своих мыслях, – вот так всегда: ты теряешься либо в пространстве, либо в мыслях, которые, в общем-то, и есть разновидность пространства. Он хватает меня за руку, и мы вмиг (а точнее, в одно движение пальца на колесике мышки) взмываем над крышами города в мир, который почти не принадлежит человеку. Именно таким видят Рим птицы: кварталы, внутри заполненные домами, слуховые окна, солнечные панели, наружные блоки кондиционеров. Вокзал Термини сверху похож на транзитор, включенный в схему города; Колизей завитками своих трибун напоминает перевернутую крышку пластиковой бутылки, умбристый Тибр – это червь, разделенный мостами на сегменты и медленно ползущий в Тирренское море.

Я цепляю Гуглика за ухо и вместе с ним спускаюсь с небес прямо в центр площади Кампо-деи-Фиори. Мне бы хотелось снова сесть на ступени у памятника Джордано Бруно и слушать возгласы торговцев, но моему Вергилию туда нет хода, к тому же вокруг стоит мертвая тишина; в деревянных ящиках лежат блестящие помидоры и перцы всевозможных цветов, но никто не кричит: *Pomodori! Peperoni! – Peperoni! Pomodori!* У ближайшего торговца вместо лица – размытое пятно (как и у всех жителей этого города), мало того: из-за какого-то технического сбоя мы оказались в компании размазанной пары женских ног, обутых в сандалии и лишенных туловища, – такие цифровые инвалиды нам уже попадались. Гуглик пытается подобраться к памятнику с другой стороны, и ему это почти удастся, но постамент все равно недостижим. Гуглик упрямо тянет меня к подножию статуи, принимается, учуяв след: – почему ты тогда приехала в Брно? – да какая разница? – может, и никакой, мне просто интересно – ну, мы тебя послушать хотели – а почему? – просто мне хотелось понять, кто ты такой – вот оно что... – ладно, я перед этим пару твоих статей прочитала, теперь сойдет? – чтобы вместе гулять по Риму и есть мороженое – вкусно, да? – пойду еще куплю каких-нибудь фруктов, тут же их и помою.

Вергилий, води меня лучше к Пантеону. И вот мы опять ныряем в узкую улочку, но путь нам преграждает военный с автоматом, рядом с ним – припаркованный джип с нарисованным на багажнике итальянским флагом. В этом году здесь не пройти: видимо, съемочную машину сюда просто не пустили. А то вот была бы новость, если бы из гугловского автомобиля открыли стрельбу: внимание, ведется фотоохота – шутка. В общем, мы переносимся на два года назад: мостовая блестит после дождика, но главное – здесь нам проход открыт. Мы ненадолго останавливаемся возле полноватого туриста с синим рюкзаком за плечами и вместе с ним пялимся на фирменные бюстгальтеры в витрине магазина нижнего белья, а потом перемахиваем через проспект Виктора Эммануила II и вновь оказываемся в более позднем слое времени. Гуглик вертится как заведенный – видимо, не знает, куда теперь, и я тоже понятия не имею; наконец мы протискиваемся в переулок, и метров через двадцать перед нами открывается Пьяцца-Навона. И здесь опять шелестят голоса прошлого: – не могу понять, почему ты решила поработать няней – а что здесь непонятного, Джованни Тедеско³⁰? – мне кажется, ты совсем другой

³⁰ Джованни Тедеско – Ян Немец (ит.)

тип – какой тип, Джованни Тедеско? – ну, ты не та девушка, которой важно о ком-то заботиться – это да, но дети есть дети.

ROMA O MORTE, – читаем мы граффити на стене одного из домов, проскользнув в очередную улочку; несколько раз сворачиваем и ни с того ни с сего оказываемся в каком-то ярко-желтом коридоре, по стенам которого развешены черно-белые фотографии Рима пятидесятих-шестидесятых годов. Куда, черт возьми, нас занесло, и как мы вообще здесь очутились? Хорошо еще, что нам удастся спуститься на первый этаж и найти выход, правда мы опять на незнакомой улице, причем оседлали какого-то толстяка в белой обтягивающей футболке и с мотоциклетным шлемом в руке; впереди уже виден Пантеон, так что мы ныряем в самую гущу толпы туристов, но тут же непонятным образом зима сменяет лето, все вокруг в пальто и куртках, а уличные торговцы вместо солнцезащитных очков предлагают черные зонты. Метров через пять снова ударяет жара – разные временные пласты сменяют друг друга в случайном порядке, и даже Гуглик сбит с толку; попытка протиснуться в Пантеон оказывается вполне удачной, вот только мы увязли в чьей-то фотографии и не можем даже пошевелиться: – в пятнадцать лет, когда я был в Риме, мне больше всего запомнился именно Пантеон – а я здесь в первый раз – пойдем, я тебе кое-что покажу: смотри вверх, прямо на этот окулюс, здорово, правда? – эх, вот закружиться бы тут и упасть, как пьяные. Мы с Вергилием взмываем вверх, ослепительный зрачок купола занимает почти весь обзор, но прорваться сквозь него никак не получается – а было бы так красиво именно здесь воспарить над римскими крышами, надо, чтобы кто-нибудь подкинул идею программистам из Гугла.

Эта неудачная попытка вознестись в небо, видимо, вынуждает нас с Гугликом, несмотря на усталость, отправиться еще и в Ватикан. Ноги наши заплетаются, так что лучше бы снова взлететь над городом. И вот фасады домов удлиняются, как будто мы действительно развиваем сверхсветовую скорость, и вскоре их поглощает новая перспектива. На этот раз мы парим невысоко, едва не касаясь лоскутного одеяла крыш, и уже подлетаем к Тибру. “Похоже на вертолетную площадку”, – показывает Гуглик на плоскую крышу замка Святого Ангела и приземляется там со знанием дела, точно Пегас. Прямо перед нами – собор Святого Петра и огромная реклама телефона *Samsung Galaxy S8*. Прыгая по крышам автомобилей, мы в несколько скачков преодолеваем скучную, словно прочерченную по линейке виа делла Кончилиационе и останавливаемся посреди площади Святого Петра: – это все католики? – вряд ли, наверное, в основном туристы.

Но сейчас, присмотревшись хорошенько, я вижу вокруг не туристов и не католиков, а толпы клонированных Вергилиев, как две капли воды похожих на моего проводника. Они слетелись сюда из разных компьютеров мира, чтобы там, дома, показать людям то место, где раньше папа каждый год адресовал свое послание *urbi et orbi*, пока еще этот город и этот мир существовали, пока еще ждали этого послания... в общем, вот как сейчас работают писатели.

незасчитанная попытка невинности³¹

...однажды ночью я лежал и представлял себе, будто мы с тобой ходили в один детский сад: я в старшую группу, а ты – в среднюю. Группы были отдельные, поэтому днем мы почти не встречались, но зато виделись в раздевалке: наши мамы приводили нас в одно и то же время, иногда даже перекидывались друг с другом парой слов. Я искоса наблюдал за тобой, развязывая шнурки; в отличие от меня, ты переодевалась в два счета и быстро махала своей маме на прощание – я же нередко устраивал душераздирающие сцены. Ты появлялась в раздевалке чуть позже меня, но уже летела в группу, а я, просовывая ноги в тапочки, спрашивал с тревогой: “Мама, а когда ты меня забереешь, мы ходим в парк?”

Дворик нашего детского сада прилегал к саду виллы Тугендхат. Я видел тебя не только в раздевалке, но и на прогулках и часто о тебе думал. Под влиянием более поздних впечатлений мы нередко забываем, как много мы в детстве думаем друг о друге. В этих детских размышлениях нет ни капли отчаяния, только нежная фантазия, воздушная мечта о любви, взбитая из белка ранних лет жизни.

Чаще всего я встречал тебя на утренней или вечерней прогулке, на горке или в песочнице. Сидя на краю песочницы, я смотрел, как ты играешь с другими в догонялки; поймать тебя было непросто, ты все время ускользала, а однажды, запыхавшись, рассеянно опустилась возле меня на деревянный бортик. В руке у меня было ситечко, и, раз уж ты оказалась рядом, я спросил:

– Хочешь, будем вместе просеивать песок?

Это было мое самое любимое занятие. Другие мальчики обычно спорили из-за оранжевой “татры”, на которой можно было возить на стройку целые кучи песка, но я вполне обходился старым ситечком, потому что больше всего на свете любил превращать грубый песок в мягкий. Я мог заниматься этим часами: набирать ведро и постепенно, раз за разом, просеивать песок, пока в нем не останется камушков, комочков и крупных зерен, пока он не станет на ощупь мягким, как самое нежное поглаживание.

– Просеивать песок? – переспросила ты, все еще не отдышавшись, так что желтая кофточка вздымалась на твоей груди. – Ну давай. А это как?

Я показал тебе, как это делается: набираешь лопаткой в одно ведро песок, потом высыпашь его потихоньку на ситечко, легонько трясешь – и песок просеивается во второе ведро. И так по кругу.

– Пока не получится гладушечка.

– А что мы с ней будем делать?

Я не знал, что на это ответить, поэтому спросил:

– Ты хочешь набирать песок или просеивать?

– Набирать.

– Вот твоя лопатка, – сказал я, подавая тебе синюю лопатку, которая была поудобнее.

– Ты уже не будешь играть с нами? – подбежав к тебе, спросили девочки.

– Потом, я сейчас делаю гладушечку.

Я был рад, что тебе понравилось. А теперь ты даже повторила мое слово! Я его придумал сам и очень этим гордился. От него мне всегда становилось хорошо, но, когда ты его произнесла, мне стало хорошо как-то по-другому.

– Скажи еще раз.

– Что?

– Скажи “гладушечка”, – потребовал я.

³¹ Незасчитанная попытка невинности. – Название этой главы содержит отсылку к эссе французского писателя Паскаля Брюкнера “Попытка невинности” (*La Tentation de l'innocence*; 1995), за которое он был удостоен литературной Премии Медичи.

– Гладушечка, гладушечка, гладушечка.

У меня прямо голова закружилась. Мне захотелось тебя поцеловать, но вокруг была куча детей, и я испугался, что кто-то увидит и будет дразниться: “Тили-тили тесто, жених и невеста”.

– Хватит столько? – спросила ты, показав мне ведерко.

– Хватит. А теперь пересыпь чуть-чуть сюда, – попросил я, подставив белое пластмассовое ситечко.

Потом я старательно им потряс, радостно наблюдая, как что-то сыплется в ведерко, а что-то остается в ситечке.

– А это надо выбросить, – сказал я и высыпал сор в угол песочницы.

– Я там вчера видела паука! – взвизгнула ты. – Прямо в этом углу!

– Ну и что?

– Ты его разбудил. Ненавижу пауков!

Ты вскочила на ноги и отошла немного назад.

– Никуда не уходи, – потребовал я.

– Мне уже надоело, – ответила ты, почесав нос.

– Паука боишься?

– Нет, просто надоело, – упрямо повторила ты. – Мне надо снова поиграть с девочками. Позови меня, когда получится гладушечка.

Ты убежала и никогда больше не вернулась.

Или все-таки вернулась. Наверное, ты просто потом заболела, или родители увезли тебя с собой в отпуск – в общем, я тебя долго не видел, хотя по утрам возился в раздевалке как сонная муха, чтобы дожидаться твоего прихода, а однажды даже предложил маме сходить к тебе в гости. “В гости? Я же почти не знаю ее родителей, – удивилась мама. – И где они живут”.

Наступила осень. Мы уже реже играли на площадке, но нам пообещали, что с середины ноября мы будем ходить в сауну. Мы сгорали от любопытства:

– Это как: девочки и мальчики вместе?

– Совсем голые?

– Сразу столько писюлек! – воскликнул кто-то.

Но выдалось еще несколько погожих дней, и в один из них я смог продолжить наш разговор с того самого места, где мы остановились. Я снова возился в песочнице, одновременно наблюдая за тобой: ты играла в догонялки, и один мальчик так сильно тебя осалил, что ты упала, но тут же поднялась как ни в чем не бывало. Поверх знакомой желтой кофточки на тебе была надета красная куртка с черными пуговицами, а внизу – штаны, которые тебе сшила мама. Я боялся, что утренняя прогулка будет совсем короткой и скоро нам придется возвращаться в группу – каждому в свою.

Я решил, что у меня все готово. Взял щепотку песка: действительно гладушечка. Я помахал тебе рукой, но ты не заметила, поэтому пришлось тебя позвать, хоть я и боялся, что привлеку внимание остальных. Остальные меня не интересовали – только ты.

Ты повернулась ко мне и предупредила ребят, что пока не играешь. Сидя на краю песочницы, я держал наготове синее ведерко, полное первосортной гладушечки.

– Покажи, – попросила ты, нисколько не удивившись, что мы продолжаем с того самого места, где остановились месяц назад; в детстве время летит по-другому.

– Попробуй сунуть туда палец, – подсказал я способ, при котором гладушечка приносит больше всего радости. – Вот так.

Ты глубоко засунула в ведерко указательный пальчик; видимо, тебе понравилось, потому что вскоре ты погрузила туда все пальцы, а потом и ладонь целиком, до самого запястья. Я пришел в полный восторг и опять хотел было тебя поцеловать, но вместо этого сказал:

– Не бойся, пауков там нет.

Ты тут же выпустила ведро из рук, и почти вся гладушечка высыпалась на обычный песок.

Я не понимал, что случилось.

– Я же сказал: пауков там нет! – рассердился я.

Почесав нос, ты ответила:

– Мне понравилось. Я Ниночка.

– Я знаю, – сказал я. – Знаю.

Тут, к счастью, задул ветер.

– Смотри! – воскликнула ты, задрав голову.

С кленов, росших возле песочницы, поднялись в воздух десятки вертолетиков, и ты, вытянув руки, стала бегать за ними. Я тоже себе один такой заприметил и думал его поймать, но он вдруг изменил направление и скрылся вдалеке.

– Есть! Есть! – закричала ты, но мне хотелось иметь собственный вертолетик, и, раздобыв его наконец, я с довольным видом прислонился к стволу дерева, которое мне его послало.

– Эй! – окликнула ты меня, подойдя ближе. – Хочешь тоже такой?

На носу у тебя вырос еще один носик – кленовый.

– Носик? А у тебя осталось семечко, которое было внутри?

– Вот, – ответила ты, раскрыв ладонь.

Семечко покоилось в ней, как предвестник будущего.

– Дашь мне? Или можешь сама его куда-нибудь посадить.

– Зачем?

– Из него вырастет дерево.

– Подожди, – сказала ты и взяла у меня вертолетик.

– Лепится, – произнесла ты довольным голосом, достав семечко и приклеивая мне носик.

А потом предложила:

– Давай тереться.

– Тереться? Это как? – сразу посерьезнел я.

– Вот так!

Ты подошла ко мне еще ближе и коснулась своим носиком моего:

– А теперь сделай “нет”.

– Нет – нет – нет – нет, – крутил я головой в разные стороны и терся о твой носик.

– Нет – нет – нет – нет! – крутила ты головой и смеялась.

примечание автора

Мне все кажется, что писать в наше время любовный роман – это как шить лоскутное одеяло: кройка и швы мои, но насчет материала не уверен, хотя и испытал его на себе. Я чувствую, как с каждой фразой все больше сомневаюсь, не соткана ли моя жизнь по лекалам других любовных романов или – того хуже – песен и реклам, фильмов и сериалов, по лекалам ваших статусов в Фейсбуке. Почему столько глав этой книги позаимствовало свои названия из других текстов? И все-таки я пустился в эту авантюру, потому что в бесконечном споре между самовыражением и самокритикой последнее слово должно оставаться за первым, ведь даже последняя гексаграмма китайской “Книги перемен” – это “еще не конец”. Писать любовный роман в наши дни – значит клясться в достоверности, до боли скрестив пальцы, или спастись ребенка из ванны с водой, которую кто-то выплескивает. Можно сколько угодно сетовать, что правда, любовь и красота дискредитированы, извращены, что их пути разошлись в разные стороны света. Кризис легитимности позднего капитализма настолько глубок, что интеллектуалки уже отказываются от макияжа. Но Симона Вейль говорит, что красота – не что иное, как обостренное чувство реальности, а Уильям Берроуз в своей последней дневниковой записи утверждает, что любовь – наиболее естественное лекарство от боли. Именно этим изречениям святых, находящихся на пороге смерти, я и следую – пишу о том, что в силу разных причин мне кажется реальным, и мне не остается ничего другого, кроме как верить, что это не наивность новичка, а та наивность, к которой возвращаешься, когда любые аргументы и любая критика себя исчерпывают. Даже если ты отрекаешься от всего, от чего только можно отречься, что-то да остается. Никто не способен разделить самого себя без остатка, да и пригодиться этот остаток может разве что Армии спасения, ветру или грифам.

суп с буквами

– Привет, Горящая Береза, – поприветствовал я Нину с порога.

– Горящая Береза?

– Ты забыла свое индейское имя?

– Первый раз его слышу. Привет!

– Серьезно? Неужели я так ни разу не называл тебя вслух? В общем, если бы ты была деревом, то скорее всего березой. Знаешь, у них на стволах иногда бывают такие подведенные глаза?

– Может, ты уже снимешь куртку?

– А я кто?

– Какое дерево? – уточнила ты и ненадолго задумалась. – Наверное, каштан.

Была пятница, и я впервые приехал к Нине в Оломоуц на выходные. Она жила в большом старом доме, на углу Жеротинской площади. Напротив – теологический факультет, наискосок через площадь – костел Святого Михаила. Давным-давно на этом месте стоял небольшой замок, поэтому звонки студенческих квартир были подписаны “ПРИДВОРНЫЕ ДАМЫ” и “ПРИДВОРНЫЕ КАВАЛЕРЫ”. Дом, где обитала Нина, принадлежал церкви, так что юноши и девушки жили здесь отдельно, лишь изредка навещая друг друга: студенты, заскучав по домашней еде, набирались мужества и шли к более запасливым девушкам, чтобы *одолжить* какую-нибудь приправу; или, наоборот, девушки просили молоток и гвоздик, чтобы повесить над кроватью репродукцию Моне, вырезанную из старого настенного календаря, – ну вот, сразу стало уютнее.

В этом доме Нина занимала угловую комнату на первом этаже, в которую можно было попасть либо через ванную, либо через комнату, где жили другие две студентки, в том числе и наша старая знакомая Итка. Впрочем, Итка успела уже уехать на выходные к родителям, как и большинство других обитательниц этой просторной квартиры с высокими потолками, оставивших после себя разбросанную одежду, книги с библиотечными штрих-кодами на корешках и методички. На тумбочках валялись бусы, браслеты и четки, на подоконниках пытались выжить цветы, над кроватями жались друг к дружке фотографии, изображения святых, паломнические открытки и картинки с видами гор. Я заглядывал в чужие комнаты с любопытством антрополога, обнаружившего неизвестное племя студенток-католичек.

В ванной кто-то возился, поэтому мы прошли через комнату Итки и наконец оказались у Нины. Ее жилище выглядело явно временным. На подоконнике в бутылке от вина красовалась гербера, на батарее сушилось нижнее белье, окно вместо штор было занавешено куском ткани. “От прохожих”, – прокомментировала Нина. В комнате стояли старенький стол, шкаф, две кровати и “Билли”, в смысле – дешевый стеллаж из “ИКЕИ”, который служил Нине одновременно комодом и шкатулкой для украшений. Кровати располагались вдоль разных стен, словно сторонясь друг друга. Вторая принадлежала какой-то словачке, студентке с отделения искусствования, о которой я был уже наслышан. В середине недели соседка сообщила Нине, что уедет на выходные, – но кто же тогда заперся в ванной?

– Вечно она копается. Ей надо было не на искусствоведа, а на косметолога пойти, – сказала Нина с ехидцей в голосе, показав на акварельный рисунок, висящий над кроватью: синее небо, небрежно перетекающее во что-то похожее на лавандовое поле.

Возле кровати словачки обретались и другие вторичные половые признаки Прованса: цветочный ящичек из белых реек, вид Арля и плетеная корзинка с розовыми и лиловыми свечами.

– А кто тебе герберу подарил? – поинтересовался я.

– Сама купила, – ответила Нина. – Бутылку, в которой она стоит, если хочешь знать, я выпила тоже сама, когда мне было паршиво.

– Ты серьезно?

– Ну ясное дело, – засмеялась Нина, видимо, позабавленная моим легковерием.

Покинув наконец ванную, словачка протянула мне руку так, будто здоровалась с пришельцем на заброшенной космической станции.

Мы с Ниной решили, что не станем мешать ей собирать вещи, и отправились погулять по центру. Оломоуц я знал как турист: еще в детстве я приезжал сюда с дедушкой, потому что непременно должен был увидеть места, где давным-давно, почти тысячу лет назад, находилась единственная во всей округе резиденция епископов, а в не таком уже далеком прошлом – советская военная база. Я был рад, что в придачу к Нине мне достались декорации этого полусонного города, который в будни изо всех сил старался соответствовать журналистскому клише и выглядеть, как ганацкая столица³², но на выходных больше походил на ганацкую гробницу. В будни здесь возникал волнующий контрапункт между бесконечными толпами студенток филфака и педфака и католиками в сутанах и монашеских рясах, но по субботам и воскресеньям город словно вымирал. “Полная глухомань”, – говорила Нина.

Мы спустились в парк по лестнице внутри крепостной стены – скорее даже не лестнице, а зловонному проходу с разбитыми ступеньками, стены которого были в несколько слоев покрыты граффити. *Лучше згореть, чем угаснуть*, – робким фломастером процитировал кто-то Курта Кобейна, но какая-то прилежная студентка богемистики безжалостно прокляла это несчастное “з” корректорским значком и надела сверху “с”, так что экзистенциальный возглас превратился в упражнение на правописание, а подающий надежды альтернативщик – в безграмотного балбеса. Помимо граффити, стены были усыпаны предложениями разнообразных эротических услуг с номерами телефонов, и у меня в который раз за день мелькнул в голове вопрос, переспим ли мы сегодня с Ниной. Этого до сих пор так и не случилось.

Для меня секс никогда не был чем-то само собой разумеющимся, в моей кабине управления не была подключена функция автопилота. Как будущий социолог я провел глубинные интервью со своими сокурсниками по Академии музыкальных и сценических искусств и факультету социологии и в итоге выяснил, что существует два типа мужчин. Первые привлекают любые женщины – просто потому, что это женщины и у каждой между ног таится одно и то же. И именно поэтому мужчины второго типа выбирают женщину, исходя из того, чем она отличается от остальных. Я явно принадлежал ко второму типу, всякий раз выбирая слишком тщательно. Одна девушка как-то сказала мне, что у меня в штанах привередливый нос. “Страшно подумать, что у меня тогда на лице”, – ответил я, чтобы хоть немного спасти ситуацию. Да что уж там говорить, новая мужественность – концепт, конечно, симпатичный, но он не всегда избавляет от чувства вины тех, кто не трахает сразу все, что движется.

Мы прошли через парк, где Нина показала мне свои любимые места и привычный маршрут пробежек. Голод заставил нас вернуться в центр. Мы купили пиццу и вина, отправились на уютную площадь рядом с домом Нины и уселись в тени лип на ступени у подножья статуи святого Флориана.

– Схожу-ка я за бокалами, – сообразила Нина. – Тарелки принести?

– Из коробки поедим.

Она вернулась с двумя пухлыми бокалами, и в каждый из них я налил из пластиковой бутылки густого кагора, который в то время почему-то полюбил. Мы с Ниной чокнулись.

– Компотик, – поморщилась она.

– Ты лучше пиццу ешь, пока она не остыла.

³² ...соответствовать журналистскому клише и выглядеть, как ганацкая столица... – Гана (Hana) – этнографический регион в Центральной Моравии, охватывающий большую часть Оломоуцкого края.

- Мне кажется, я твоим кагором наемся. В следующий раз вино выбираю я.
- Ну не можешь же ты выбирать и вино, и пиццу, – возразил я, отделяя первый кусочек.
- Почему? Ведь раньше-то могла.
- Вот как? Значит, раньше могла? – весело переспросил я. – В таком же духе Шопенгауэр рассуждал о женитьбе, мол, ему непонятно, зачем удваивать свои обязанности и делиться правами.
- Ну, что-то в этом есть.
- Тогда тебе нужно знать продолжение.
- Какое?
- Что самым близким существом для него был пудель.
- Пуделей я не очень, это правда. Но все-таки лучше пудель, чем муж, – подытожила Нина. – Ладно, в следующий раз я выбираю вино, а ты пиццу. Пойдет?
- В любом случае пиццу ты сегодня выбрала правильную.
- Значит, в следующий раз ты можешь выбрать такую же! – воскликнула Нина победоносно, пытаясь оторвать кусочек, за которым тянулись ниточки сыра. – То есть ты и Шопенгауэра читал? Кажется, ты еще забористей, чем это вино.
- Ну, “Мир как волю и представление” вряд ли стоит брать с собой на море. Но у Шопенгауэра есть симпатичная книга о писательстве³³ – вот ее я люблю.
- Шопенгауэр меня не особо интересует. А у тебя как с писательством?
- В каком смысле?
- Ну, например, когда ты начал писать? Не знаю... расскажи мне наконец что-нибудь о себе.

Когда я начал писать? Мама раньше работала секретаршей в финансовом отделе Высшей сельскохозяйственной школы, и у нее в кабинете стояла электронная печатная машинка, такой промежуточный вариант между пишущей машинкой и текстовым редактором: каждая строка сначала отображалась на дисплее, чтобы можно было исправить ошибки, а потом быстро отпечатывалась на бумаге. Мне тогда было лет пять, и меня так и тянуло к этому устройству – наверное потому, что папа дома часами просиживал за чем-то похожим. В общем, когда мама брала меня с собой на работу, я забирался с коленями на стул и бил по клавишам до тех пор, пока не получалась густо исписанная страница. Правда, в то время я путал слова “бульон” и “фельетон” и говорил всем, что сейчас у меня будет бульон. Когда из печатной машинки выскакивал лист бумаги, я бежал в соседний кабинет, где один дяденька рисовал мне внизу на листочке глубокую тарелку. От нее еще шел пар. “Ну как, сварил свой супчик? А что у тебя в нем?” – спрашивала мама. И я с гордостью сообщал: “Картошка! Морковка! Буковки!”

– Кстати, у тебя все губы красные от вина. Мне облизать их, или ты сам?

А потом, в третьем классе, я написал сочинение, и учитель собственноручно снял с него машинописные копии, чтобы раздать их всем моим одноклассникам. Это было чистой воды подражание “Дюне” Фрэнка Герберта, которой я тогда зачитывался. У меня действие происходило на какой-то пустынной планете, где летали орнитоптеры, ну и все в таком духе. Научной фантастикой я увлекался лет с девяти и до тринадцати, не понимая, о чем еще можно писать в книжках, если не о чем-то сверхъестественном. У меня в голове не укладывалось, как автор может описывать обычную повседневность. Но однажды я взял у папы книжку Ирвина Шоу и прочел рассказ о парне, который влюбился в продавщицу книжного магазина. Или наоборот – точно не помню. В любом случае больше я к научной фантастике не прикасался, меня как отрубило. И я уже наоборот не мог понять, зачем читать об инопланетянах, если вокруг живые люди.

³³ Но у Шопенгауэра есть симпатичная книга о писательстве... – Имеется в виду книга “О писательстве и о слоге” (вышла по-русски в переводе Дмитрия Цертелева).

– Я подмерзаю, – сообщила Нина. – Знаешь, что: тут бар за углом, давай там чего-нибудь выпьем.

Мы выбросили коробку из-под пиццы в синий контейнер; собственно, это был не столько контейнер для бумаги, сколько для таких вот коробок – студенческий город, что поделаешь. Мы отнесли бокалы к Нине на кухню и, выйдя на улицу через черный ход, сразу уткнулись в красную дверь бара “Ось”, увенчанную неоновой рекламой рома “Гавана Клуб”.

– Ты можешь спускаться сюда прямо в пижаме, – заметил я.

– В ночной рубашке. Не бойся, ту свою дурацкую пижаму я уже выбросила.

Мы сошли по ступенькам и оказались в каменном полуподвале с бетонным полом. За высокими барными столиками сидело несколько компаний, из динамиков звучала карибская музыка, а в дальнем зале не обошлось и без пальмы на стене. В меню был один сплошной секс: “Секс с капитаном” на основе рома со специями, “Дикий секс”, неизбежный “Секс на пляже”, явно летний “Секс у стены и поцелуй”, вполне сносный “Оргазм”, а вот шот “Сперма” с ванильным ликером, ирландским ликером “Кэроланс” и гренадином нам показался уже перебором. Мы решили, что после крепленого вина стоит быть поаккуратнее и не экспериментировать с такими ингредиентами, как яичный белок, клубничный джем или греческий йогурт. В итоге мы остановились на классике: Нина заказала “Маргариту”, а я – “Негрони”.

– Ты читала когда-нибудь фэнтези или научную фантастику?

– Я? Я не могла оторваться от “Пеппи Длинныйчулок”, в детстве это был мой любимый персонаж. Знаешь, она была такая сильная, ловкая, легко обставляла взрослых, которые пытались ее опекать, и жила вместе с лошастью и обезьяной. А когда я выросла из “Пеппи”, то сразу же перескочила на “Дневник” Юрачека³⁴. Его хватило почти на год, потом я уже могла читать что угодно.

– А как ты пришла к Юрачеку?

– У нас в киноклубе показывали “Кариатида”, вот я и заинтересовалась. Но вообще-то сегодня твоя очередь рассказывать, так что больше никаких вопросов. И давай-ка вслух, а то ты все время куда-то уплываешь. Так когда ты начал писать по-настоящему? Я не слишком на тебя наседаю?

Нина могла одной-единственной фразой, жестом или взглядом возвести нужные ей декорации, умела отстранить ситуацию или, наоборот, придать ей остроты. Сейчас ей удалось и то, и другое. Нина выглядела, как усердная блогерша, которой не терпится опубликовать пост о встрече с писателем.

– В старших классах нам дали новую учительницу чешского, – начал я издалека. – Не знаю, как она оказалась в нашей гимназии, но, в общем, она стала вести чешский и французский и еще организовала драмкружок. Короче говоря, творческая натура, вокруг которой быстро сплотились те, кто увлекался театром и литературой и у кого внутри что-то такое бродило. Примерно тогда же к нам присоединился Петр. Он проходил альтернативную военную службу, а вообще был юристом, причем, так сказать, старой закалки: писал стихи, интересовался философией. Однажды наш драмкружок репетировал декламацию стихов Превера – вот тогда-то мы все впервые и собрались. Все – в смысле вся наша разношерстная компания из пяти человек: учительница чешского, альтернативщик, один старшеклассник и еще две гимназистки помладше, причем обеих звали Ева, для большей путаницы. Хотя на самом деле никто их не путал: у одной волосы были рыжие, а у другой медовые. Они сидели за одной партой, были лучшими подругами, а еще самыми красивыми девушками во всей гимназии – по крайней мере, я так думал. Ты знаешь Превера?

³⁴ ...сразу же перескочила на “Дневник” Юрачека. – Павел Юрачек (1935–1989) – чешский кинорежиссер (“Кариатида”, “Каждый молодой человек”, “Дело для начинающего палача”), сценарист и прозаик, представитель чехословацкой новой волны. Дневниковые записи Юрачека, относящиеся к 1959–1974 годам, были впервые изданы в виде книги в 2003 году.

– Нет, не знаю.

– До сих пор помню, как две эти пятнадцатилетние вертихвостки читали наизусть “Для тебя, любимая”, одна в черной футболке, другая в белой, и у каждой уже обозначилась грудь – за ее ростом мы давно и с любопытством следили. Своими нежными ангельскими голосками обе Евы декламировали: *Я пошел на базар, где птиц продают, / И птиц я купил / Для тебя, / Любимая. // Я пошел на базар, где цветы продают, / И цветы я купил / Для тебя, / Любимая. // Я пошел на базар, где железный лом продают, / И цепи купил я, / Тяжелые цепи / Для тебя, / Любимая. // А потом я пошел на базар, где рабынь продают, / И тебя я искал, / Но тебя не нашел я, / Моя любимая.* “Для тебя, любимая” они каждый раз произносили хором.

– Ах! – воскликнула Нина, захлопав ресницами, как моргающая кукла.

– У меня голова шла кругом. В тот вечер я, считай, влюбился в светлую Еву, а Петр – в рыжую, а еще мы оба сдружились с Миркой, той самой учительницей чешского. Мы все жили тогда как в бреду. Между уроками Петр обменивался с рыжей Евой записными книжками – чем-то вроде их общего дневника – и иногда провожал до дома Мирку. А я, в свою очередь, всячески обхаживал светленькую Еву и при этом переписывался с Миркой. Мы с Евой встречались в парке Лужанки, под магнолией, которую потом срубили, но тогда она каждую весну взрывалась бело-розовыми цветами. Я был таким всезнайкой, все мне давалось ужасно легко, и я как будто возвышался над происходящим. Ева открыла мне новый мир: она-то над происходящим никогда не возвышалась, наоборот, она была внутри происходящего, в самом его центре... ну, или мне так казалось. Однажды в школе проходила дискуссия о войне в Югославии, и все старшеклассники строили из себя специалистов по внешней политике. Ева единственная сказала, до чего все это страшно, бессмысленно и бесчеловечно, причем сказала так убедительно, что даже молодой учитель обществознания вынужден был откашляться, прежде чем задать очередной бессмысленный вопрос. Благодаря Еве я впервые осознал, что жизнь больше наших представлений о ней, впервые увидел нечто вроде центра мандалы. Ева выделялась среди нас, она поступила в Прагу в театралку, а потом еще успела выучиться на психолога. В гимназии мы впервые обзавелись мобильниками и посылали друг другу тонны сообщений, которые потом старательно переписывали на бумажку...

– Серьезно? – спросила Нина, закашлявшись: она как раз потягивала “Маргариту” через трубочку.

– Естественно. Памяти в мобильнике не хватало, а эти сообщения были для нас дороже всего. С Евой я обменивался короткими поэтичными посланиями, а с Миркой – пространными письмами, в которых мы с ней анализировали происходящее. С Петром же мы ходили в чайную и делились друг с другом мужским видением ситуации. Так мы и жили в общем коммуникативном безумии, но рассказываю я все это потому, что именно тогда я стал писать уже систематически. Ты ведь об этом спрашивала? Мне сложно ответить, не вдаваясь в подробности, – хотя бы потому, что импульсы к сочинительству всегда внешние. Мои импульсы были связаны с конкретными людьми. Я до поздней ночи сидел над письмами к Мирке, одновременно прокручивая в голове сообщения для Евы, а с Петром мы обменивались стихами собственного сочинения, которые потом читали вместе на разных региональных конкурсах вроде “Мельницкого Пегаса” или “Сейфертовских Кралуп”³⁵. Для нас, юнцов, это был незабываемый опыт, но, главное, мы открывали для себя страну. Больше всего мне запомнилось, как мы вместе с другими доморощенными поэтами сидели в какой-то забегаловке в Варнсдорфе и смотрели чемпионат Европы по футболу³⁶. Чехия играла в тот день с Нидерландами, мы проигрывали

³⁵ ...на разных региональных конкурсах вроде “Мельницкого Пегаса” или “Сейфертовских Кралуп”. – “Мельницкий Пегас” – поэтический конкурс, проходящий в городе Мельник. Фестиваль поэзии и декламации “Сейфертовские Кралупы” назван так в честь чешского поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе Ярослава Сейферта и проводится в городке Кралупы-над-Влтавой, где Сейферт часто бывал и где находится его могила.

³⁶ ...и смотрели чемпионат Европы по футболу. – Описываемый матч между Чехией и Нидерландами состоялся 19 июня

ноль-два, но Коллер, Барош и, наконец, Шмицер благодаря Поборски, который *не позадничал* и отдал пас, в итоге вывели нас вперед – 3:2. Ладно, это я отвлекся. Суть в том, что тогда я впервые в жизни по уши влюбился, а еще обрел старшую наперсницу, с которой мог советоваться, и близкого друга, который переживал то же, что и я. И обо всех этих отношениях я писал так, что пар из ушей валил. В универе-то меня отпустило, но этот решающий выпускной год все-таки оставил неизгладимый отпечаток. Собственно, даже не год, а почти два года – наша история продолжалась и после школы, просто в памяти все уже немного слиплось. И знаешь, что смешно?

– А с какой это стати парень за тобой все время на меня пялится?

Я обернулся, но не понял, кого Нина имела в виду: за соседним столом сидела целая компания.

– Хочешь, местами поменяемся? Пусть он на меня смотрит.

– Так что смешно-то?

– Смешно, что в итоге интимные отношения сложились только между мной и второй Евой.

– Погоди, это с рыжей, что ли?

– Ну да. Не Брно, 60200, а прямо “Бeverли-Хиллз, 90210”.

– Я как-то пропустила этот сериал.

– Серьезно? А как же Брендон? Дилан? Ладно, неважно. Короче, летом мы с Евой поехали работать в лесной лагерь для детей с ограниченными возможностями. Катались с ними на лошадях для развития мышечной активности, мыли, переворачивали во сне с одного бока на другой, устраивали викторины, маскарад и вообще чувствовали себя настолько полезными и взрослыми, что совсем потеряли над собой контроль. Как-то после ужина мы сидели в тамошнем полутемном спортзале, слушали магнитофон и вдруг начали обниматься. В общем, в Брно мы вернулись с кучей друзей-колясочников и нечистой совестью. Две недели мы скрывали правду, но потом все-таки признались. Петр выслушал эту новость с достоинством – в отличие от другой Евы. Я же говорил, что они были лучшими подругами, сидели за одной партой – а тут такое.

– Это ведь как в “Бeverли-Хиллз”, да?

– Точно. Все со всеми, кроме Брендона и Бренды. Они были брат и сестра, поэтому если и спали друг с другом, то разве что за кадром. Только вот мы с первой Евой в общем-то так и не стали парой. Я, наверное, не слишком понятно об этом рассказал. У нас все как-то не складывалось – Ева меня избегала, встречалась с другими... Может, ее ко мне не влекло физически, но главное, она вечно была по уши в своих заботах. Так что хватало ее только на себя. К тому же у нее еще и отец нарисовался и стал требовать к себе внимания: с Евиной матерью он давным-давно развелся, а теперь вздумал вдруг обсуждать с дочерью своих любовниц, которые с каждым разом оказывались все моложе. Он был психологом, представляешь? Короче, я несколько лет провел в отношениях с девушкой, с которой даже не встречался, а в том возрасте так дальше продолжаться не могло.

– Без грехопадения Евы? – засмеялась Нина и взяла в рот вишенку из коктейля.

Казалось, ее забавляют мои любовные переживания.

– Ну да, – ответил я. – А вторая Ева все время была поблизости, и, в отличие от первой, с ней вполне можно было жить. Не то чтобы она была более доступная, скорее более обыкновенная. Обыкновенная красивая, умная и чуткая девушка – впрочем, вряд ли тут годится слово “обыкновенная”. Конечно, у нее тоже были свои тараканы в голове, за ней, к примеру, водилась склонность к саморазрушению, но в юности же это нормально? В общем, первая Ева взбесилась и какое-то время со своей подругой вообще не разговаривала, зато ко мне стала намного

внимательнее. Мы и раньше ходили, держась за руки или обнявшись, все время прижимались друг к другу, но дальше этого дело не шло. А тут вдруг начали неожиданно целоваться прямо посреди чайной “Фледа”. Так что у меня стало сразу две Евы, светленькая и рыжая.

– Уфф! – выдохнула Нина.

– Уфф? Скорее “вау”. Впрочем, первой Еве все это быстро наскучило, наверное, ей просто хотелось удостовериться, что я побегу за ней, как только она меня поманит. А вторая Ева страдала, хотя, в общем-то, не была ни в чем виновата. Я очень хорошо помню, как однажды она остановилась на зебре возле Лужанок и со слезами на глазах принялась допытываться, почему это именно она всегда оказывается крайней и что я вообще о себе думаю. Мы вполне счастливо прожили вместе еще год, но в итоге все равно разошлись. Даже не помню почему. Странно. Почему же, собственно, мы расстались? Наверное, из-за первой Евы, пусть и не в прямом смысле.

– А что было с учительницей и с этим твоим другом?

– Мирка спустя пару лет ушла преподавать в университет. Думаю, ее муж пронюхал о нашей переписке и устроил скандал, хотя все было абсолютно невинно. Как бы то ни было, она вернула мне бумажный пакет, туго набитый моими письмами. Я тогда почувствовал себя задетым, но Мирка, видимо, просто не смогла выбросить их или сжечь. По-моему, на нее тогда слишком много всего навалилось, так что она не справилась и в какой-то момент от всех нас отстранилась.

– А твой друг?

– Петр? Он единственный ведет нормальную жизнь. Женился, купил квартиру, завел детей, иногда мы вместе ходим на теннис.

– Он что-то пишет?

– Насколько я знаю, книжки по трудовому праву, статьи и изредка стихотворные поздравления. Это был бурный период, и каждый из нас его преодолел по-своему. Давненько я не вспоминал те времена. Такое ощущение, что достаешь из-под кровати коробку, а в ней – целая жизнь. Собственно, об этом моя первая книжка³⁷, я про нее тоже почти забыл. Сборник стихов... Ева его очень удачно проиллюстрировала.

– Ева – которая?

– Вторая, с рыжими волосами. Потом она их, кстати, обрезала. Наверное, это худшее мое воспоминание. Ева меня предупредила, я знал, что она придет совсем коротко подстриженная, но не ожидал, что свои великолепные медные волосы, которые озаряли всю округу, она вытащит из пакета. И теперь они лежали в руках этой грустной новобранки, как шкура мертвого зверька... Я же говорил, что каждый из нас преодолел это время по-своему – перерос его, но и утратил что-то важное. Ева принесла в жертву волосы, венец собственной юности, я поступился своей неприкасаемостью – не знаю, как это назвать точнее... Мирка, наверное, подрастеряла свою восторженность. Слушай, кажется, нам надо еще выпить.

Мы снова заказали по коктейлю, и Нина спросила:

– А ты никогда не хотел об этом написать? Получился бы неплохой роман воспитания. Только одну из Ев придется назвать по-другому, иначе возникнет неразбериха.

– Неразбериха и так возникала, – ответил я. – Не знаю, как-то в голову не приходило. И потом: ведь мне бы пришлось влить нас всех в прозрачный янтарь, иначе вышло бы совсем не то. Да и не пишу я никогда о реальных событиях. Ну то есть, конечно, все, о чем пишешь, в какой-то степени реально. Я имею в виду, что не пишу о личном.

– Но разве не все, о чем ты пишешь, в какой-то степени личное?

– Да, конечно. И реальное, и личное. Проще говоря, я не пишу о тех, кого знаю.

³⁷ Собственно, об этом моя первая книжка... – Ян Немец действительно дебютировал как поэт. Его первый (и единственный) сборник стихов “Первая жизнь” (*První život*) был опубликован в 2007 году.

– А почему?

Я пожал плечами.

– Можно привести целых пять причин, почему с художественной точки зрения это неблагодарное занятие. Но на самом деле – я попросту стесняюсь. К тому же, хотя ты и думаешь, что история твоей жизни неповторима, другим она кажется ничем не примечательной.

– Гм, за это можно выпить.

– За что именно?

– За жизнь, которая неповторима.

Час спустя мы выбрались из полуподвального карибского рая на улицу, где уже стемнело и похолодало. Мы сделали небольшой крюк, чтобы немного проветриться, и вернулись на площадь со статуей святого Флориана. Проектор, установленный на крыше Нинино дома, освещал купол костела Святого Михаила. В конус этого света попадала и печная труба вместе с дымом, который ветром относил в сторону, так что крыша, казалось, служила съемочной площадкой для какого-нибудь киноэпизода, скажем, для сцены приземления Бэтмена.

Дома мы направились напрямик в ванную. Вместе почистили зубы, забрызгав зеркало белыми каплями пасты, и заспорили о том, кто из нас такой свинтус. Вдруг из комнаты Нины донеслось по-словацки: “Эй, можно потише? Спать не даете!” Мы замерли.

– Она что, не уехала? – спросил я шепотом.

Нина, оторвав взгляд от моего отражения в зеркале, посмотрела мне прямо в глаза.

– Я ее придушу.

– Иди сюда, – сказал я, чтобы предотвратить трагедию.

Нина прижалась ко мне, и я, как обычно, сразу же ощутил ее грудь. Я поцеловал ее в шею и постепенно начал спускаться губами все ниже. Нина успела запереть дверь ванной, прежде чем я усадил ее на батарею и кончил дело ртом.

– Пойдем спать к Итке? – спросил я потом.

– Наверное, – вздохнула Нина. – Подожди, я возьму подушки и одеяло.

Она натянула трусики, отперла дверь, зажгла большой свет и громко спросила:

– Значит, ты не уехала?

– На поезд опоздала, поеду завтра, – сонным голосом ответила словачка. – Выключи свет, будь добра.

– В следующий раз хотя бы эсэмэску пришли, поняла? – крикнула Нина и стукнула кулаком по подушке соседки.

Словачка в недоумении приподнялась на локте и произнесла таким тоном, каким женщины общаются исключительно между собой:

– Что, потрахаться не получилось?

Нет, получилось. В ту ночь на Иткиной кровати, в самом сердце резервации молодых католичек, мы впервые занимались любовью. Уже в полусне я проник в нее, в Нину, нас обоих охватила сладостная нега, и я быстро кончил.

– Ты мой каштанчик, – произнесла Нина.

Вышло, конечно, не ахти, но уже на следующий день мы занимались любовью *нормально*, то есть дольше, чем полминуты.

в предыдущих сериях

Я отвернулся от них, нелепо слепленных вместе, и вышел, смеясь, назад на улицу, чтобы довершить свой обход квартала, живущего, словно в насмешку, до нелепого конкретной жизнью плоти. Дождь закончился, и влажная земля выдохнула мучительно нежный запах глины, человеческих тел и увядших цветов жасмина. Я медленно двинулся прочь, совершенно ошеломленный, пытаюсь уложить в слова весь этот квартал Александрии: я знал, что скоро он исчезнет, совсем, что приходит сюда станут лишь те, на чьи воспоминания наложил свои дрожащие в лихорадке лапы сумасшедший наш город, превратив паутинки памяти в подобие давних запахов, навеки въевшихся в рукава стареющих мужчин: Александрия, столица Памяти.
Лоренс Даррелл. "Александрийский квартал"

tête-à-tête

И стали Нина и Ян жить вместе. Для всех остальных они тоже настолько слились в пару, что говорить о них можно только в третьем лице.

Наш герой, прежде чем отправиться следом за Ниной в Рим, успел переехать с Пелликовой в район Крало-Поле. Пришлось ему покинуть квартиру с широкими подоконниками и видом на Старый город, ведь она была ему не по карману; да, дорогие дети, редакторы в то время жили скромно. Но на углу улиц Червинкова и Мечиржова стоял тогда симпатичный свежевыкрашенный домик, который прозвали “Патрицианская вилла”, потому как принадлежал он некоей Патриции, молодой архитекторше, занимавшей верхний этаж и мансарду. Много лет назад наш протагонист обитал здесь вместе со своими сокурсниками по Академии, но те вскоре превратили квартиру на втором этаже в настоящее общежитие, так что наш герой подумал-подумал да и нашел себе другое жилье. И вот теперь он вернулся в свою прежнюю угловую комнатку, причем вернулся с радостью. Из одного окна виднелись пышные темно-зеленые сосны, а другое окно, французское, выходило на балкон, откуда открывался вид на внутренний двор с садом и садиками, где весь день напролет щебетали птицы. Комната была необычайно светлая, и наш герой вовсе не желал ее портить, а, напротив, побелил стены, до блеска отмыл пыльные окна, расставил мебель из светлого дерева и завел привычку включать “Нуар Дезир”.

Нина частенько к нему сюда приезжала. В дом вела старая деревянная дверь с круглым окошком, похожим на иллюминатор, и нашим героям нравился тот момент, когда они вдруг видели друг друга в этом иллюминаторе. Она звонила ему снизу, а он, высунувшись из квартиры, держал палец на кнопке домофона, словно на спусковом крючке, не открывая входную дверь, отдавая момент встречи. Весь день он не мог дожидаться Нининого приезда, но теперь, когда их свидание было верным, он хотел продлить ожидание еще на полминуты. Круглое окошко обрамляло лицо героини, как на старинной гравюре; она складывала ладони домиком и вглядывалась, точно в калейдоскоп, в темный тубус коридора. Обычно она поддерживала эту игру в отложенную радость: приклеивалась носом к стеклу, прижималась к нему губами, расплющивая их и становясь похожей на павиана, складывала умоляюще ладони и наконец, если ничего не помогало, поворачивалась спиной к дому, как бы уходя к тому, кому она будет нужнее. Наши герои не могли отказать себе в этой пантомиме, в этой импровизации, которая заканчивалась либо тем, что он сбегал вниз по ступенькам и распахивал дверь, либо тем, что он все-таки отзывался на сигнал домофона и тогда она взбегала по ступенькам наверх. Финальные объятия, неизбежный счастливый конец.

Дальше вариантов было, в общем-то, два. Или антагонистка, слегка сконфуженная, робко сидела на ковре, как на шатком плоту, объясняя, что ей нужно привыкнуть к тому, что они снова вместе. Или же, бросившись друг другу в объятия, наши герои занимались любовью, причем потом непременно выяснялось, что героиня либо забыла запасные трусики, либо у нее порвались колготки. Влюбленные отправлялись в центр, пили там кофе и, счастливые, болтали о всякой всячине.

Согласно Классической периодизации любовных отношений, они проживали период *tête-à-tête*. В комнатах у обоих стояло по узкой кровати, но весь первый год им этого вполне хватало. Они по-паучьи складывали свои восемь длинных конечностей и спали, крепко обнявшись; их тела научились поворачиваться ночью синхронно, словно на двойном вертеле. Наша героиня засыпала у героя на груди, а он прятал колено между ее ног; потом она обычно поворачивалась на бок, чтобы дышалось свободнее, и, согнув ноги, парковалась в протагониста задом, но к тому моменту их обоих уже накрывало широкой волной сна. Главное неудобство им доставляли волосы и щетина: он, не успев побриться, царапал ее своей щетиной, а она своими мягкими волосами щекотала его лицо. Иногда она пыталась укротить волосы невидимками, кото-

рые утром неизбежно оказывались под подушкой или за кроватью – или вообще терялись с концами в приснившемся сне: “Видимо, они выпали, когда я убегала от страшной трехногрой собаки и волосы зацепились за ветку”. Часто наши героини просыпались с затекшей рукой или ногой, слишком долго томившейся в плену чужого тела, и ее приходилось потом реанимировать – делать массаж и искусственное дыхание. Нередко они так увлекались воскрешением конечностей, так долго тешились, что вместо завтрака обедали.

Короче говоря, их друзья вынуждены были на несколько месяцев о них забыть. Наши героини глаз друг с друга не сводили, а в глаголах им хватало только первого и второго лица. Как все влюбленные, они создали вокруг себя эластичный пузырь, внутри которого счастливо улыбались друг другу, отыскивали себя во взгляде партнера, точно в зеркале, и были счастливы, как дети, играющие в мужчину и женщину. В их комнатах стали появляться цветы – привезенные домой или купленные к приезду. Наша героиня избавилась от острых углов, скользивших по плечам, как лучики морской звезды, отрастила волосы до лопаток, а прекрасное лицо смягчила челкой. Гардероб ее пополнился более женственными предметами одежды. Пеппи Длинныйчулок стала ходить за покупками в “Кальцедонию” и “Интимиссими”, и наш герой только радовался, когда она появлялась в новом бюстгальтере-балконет или когда вдруг впервые надела подвязки:

– Пеппи в подвязках из “Интимиссими”, *oh my god!*

Хорошо еще, что наши герои жили в разных городах, иначе им было бы трудно продолжать свою повседневную жизнь. Они почти не звонили друг другу, и эсэмэски между ними не летали стайками, зато, когда они встречались, весь остальной мир переставал для них существовать. В один прекрасный день наши героини вернулись к началу: он снова прочитал ей вслух рассказ Балабана *Pyrhula pyrhula* – надо было убедиться в том, что книга, прочитанная впервые, действительно не тождественна перечитанной, поскольку мы сами тем временем изменились. А потом они продолжили другими рассказами Балабана, читая их в поездах, на ковре, на скамейках, в кровати перед сном, а когда Балабан кончился, перешли к рассказам авторов мировой литературы – Лоуренса, Хемингуэя, Кортасара, Ионеско и Маргерит Дюрас, все глубже и глубже зарываясь в литературную шкатулку утонченного человеческого опыта.

И пока наш герой открывал для героини все новые смыслы и оттенки смыслов, наша героиня давала ему нечто гораздо более ценное – показывала, что значит жить легко, хотя, возможно, и сама этого не понимала, ведь ее легкость выражалась в том числе в простоте. Но зато как она сумела обжить свое тело, с какой непринужденностью и уверенностью располагалась в нем! Ей достаточно было сделать два танцевальных движения, и протагонист чувствовал, что она очутилась там, куда ему пути нет, хотя она по-прежнему стояла посреди комнаты или на трамвайной остановке. Да, антагонистка манила его пальцем, но он не мог приблизиться к ней, он разве что ей вторил, как это делали время от времени все остальные.

Ян довольно быстро понял, что существование Нины кое в чем сильно отличается от его существования или существования большинства людей. Причина тому была банальная, но веская, а главное, амбивалентная: наша героиня в определенные минуты становилась до безобразия красивой. Щедрая природа создала ее яркой блондинкой и одарила телом, над которым художественные гильдии седьмого неба трудились наравне с чертями. Но тут вмешалась вторая мойра, из отдела культуры, которая перечислила все свойства, приписываемые ярким блондинкам, и мудро добавила, что красота нынче только осложняет жизнь. Тогда третья мойра с несколькими панковскими наклонностями раздраженно пожала плечами и заявила, что вот вечно одно и то же и что пора бы уже этим двум овцам в интересах последующих поколений между собой договориться, определяет человека его происхождение и внешний вид или нет, потому что иначе получается какая-то каша, и что она дарует малышке прочную броню и острый язычок, на кончике которого всегда будет капелька яда.

Нашей героине действительно постоянно приходилось стряхивать с себя приписываемые ей свойства. Но иногда они играли с нашим героем в стереотипы. “Ты прямо блондинистая стерва”, – со знанием дела говорил протагонист антагонистке, когда она помогала другим.

Что же до него самого, то он никогда не мечтал о высокой блондинке, сорвавшей генетический джек-пот. Ему казалось, что это уже слишком... А наша героиня в свою очередь с превеликим удовольствием сделала бы себе в носу пирсинг, лишь бы не выглядеть, как экранная блондинка, и лишь бы ее оставили в покое. Одиссей в конце своих странствий, по совету Тиресия, должен был отправиться в край, где живут люди, не знающие моря, и там воткнуть свое весло в землю. Только так, мол, он сможет обрести покой. Чтобы наша героиня могла обрести покой, ей пришлось бы в дремучем лесу выкопать яму и, опустив туда свой облик, засыпать его глиной. Она так хотела, чтобы ее любили саму по себе, но большинство людей умело разглядеть только ее внешность. Каждый видел в ней собственные желания и комплексы. Облик Нины напоминал окна туристических автобусов: внутри совершенно прозрачные, а снаружи – зеркальные.

На людях наша героиня обычно старалась вести себя открыто и дружелюбно, точно какая-нибудь незаметная брюнетка или даже – вообразите только – как девушка с избыточным весом. Но толку-то: когда она появлялась, например, на вечеринке, собравшиеся расплзались, словно по невидимому шву, на две категории: первая так или иначе ее желала, а вторая так или иначе презирала ее за это. Разделение, естественно, происходило по старому доброму половому признаку, но случались и исключения – горстка влюбленных лесбиянок или мужчин с низкой самооценкой. Ее присутствие высвечивало характер людей, они как будто теряли над собой контроль, расходуя все свое внимание только на Нину. Некоторые женщины, вроде бы равнодушные к красоте, вдруг не выдерживали присутствия нашей героини и демонстрировали свое безразличие с очевидной заносчивостью. Мужчины же взвешивали собственные шансы на успех и сразу ходили с козырей, что нередко забавляло Нину и становилось изюминкой ее историй.

– А потом из его бумажника как бы случайно высыпались кредитки и этот болван из “Тимобайл” попросил меня помочь ему собрать его золотые карты “Виза”. Представляешь?

Только столь же уверенные в себе женщины и мужчины, которые не разменивали свою страсть на мелочную похоть, общались с Ниной на равных, и она отвечала им великодушием.

К счастью, наша героиня, в отличие от большинства ее сверстниц, никогда не относилась к своей внешности как к драгоценному союзу между собой и зеркалом. С другой стороны, ей были неведомы попытки большинства простых смертных завоевать чужое внимание. В ее экономической системе чужое внимание, словно неисчерпаемые запасы природных ресурсов, присутствовало всегда, так что все зависело только от того, как она сама им распорядится. Протагонист далеко не сразу понял, насколько иной формируется личность в таких условиях. Порой антагонистка напоминала ему Дубай: расхожие мечты для нее мало что значили, ведь она могла исполнить их в два счета. Кроме того, со временем наш герой заметил, до какой степени несговорчивым делает человека его физическое совершенство. Случалось, антагонистка вела себя воинственно и непримиримо, именно поэтому протагонист стал дразнить ее Барбареллой. Иногда она действительно превращалась в героиню комикса, которая махала руками и сносила головы, ведь она пришла отомстить за все несправие в мире или, по крайней мере, за то, что казалось ей несправием.

* * *

Если наш герой приезжал к Нине, они шли в студенческое “Кафе 87” выпить кофе и в “Джаз Тибет Клуб” поесть жареных оломоуцких сырков³⁸. В клубе над столами свисали патлатые тканевые фонарики, потолок был весь в крапинку из-за дырявых светильников, подвешенных над барной стойкой, а стены украшала приятная мешанина портретов: молодой Леонард Коэн, сидящий в какой-то монреальской кофейне в пальто, кепке и с зажженной сигаретой в руке; Мохаммед Али со сжатыми кулаками, похожий не столько на боксера, сколько на борца за права афроамериканцев; Эми Уайнхаус, которая лежит, подперев голову рукой, и напряженно смотрит в объектив глазами, подведенными черной линией, той, что в скором времени заключит ее жизнь, как некролог, в рамку; рисунок Тома Йорка из “Радиоhead” и классическая фотография Эрнеста Хемингуэя в свитере грубой вязки. Здесь наши герои проводили пятничные вечера – неважно, был концерт или не был – и вели нескончаемые разговоры. Однажды антагонистка, потягивая вино, рассказывала о своих покойных бабушке и дедушке по маминой линии. Дедушка, мол, вел двойную жизнь.

– В смысле? – спросил протагонист.

– У него была семья, но он постоянно ездил в командировки. А когда он умер, выяснилось, что на самом деле он навещал свою вторую семью где-то на севере страны. У него были две женщины и две семьи, но все раскрылось только после его смерти. Видимо, ему хотелось справедливо разделить наследство, а законная жена, естественно, была только одна.

– Бабушка хоть?

– Очень смешно.

– Значит, она ничего не подозревала?

– Вроде бы нет. Представляешь? всю жизнь провести с мужиком, которому потом нельзя даже вlepить пощечину. Ну, не бить же покойника в гробу.

Наш герой не мог удержаться от смеха.

– Прямо сцена из итальянской комедии. Так и просится на экран.

– Ну, бабушке, конечно, было не до смеха. Как же так: сорок лет прожить с человеком и настолько его не знать!

– Поэтому ты не хочешь замуж?

Нина пожала плечами.

– Я просто не верю.

– Во что именно?

– В свадебные клятвы. Не верю, что люди их потом соблюдают. Раз сегодня больше половины браков распадается, значит, каждый второй во время церемонии врет и не краснеет. Собственно, даже не каждый второй – ведь если люди продолжают жить вместе, это еще ничего не значит.

– Мне кажется, “врет” – это слишком сильное слово, – заметил наш герой как более миролюбивый из них двоих. – Просто люди берут на себя то, что потом не могут исполнить. Но поначалу же они верят в свои обещания, разве нет?

Протагонист, конечно, знал, что на такие темы с нашей героиней говорить очень сложно: свадьбы по какой-то особой причине казались ей катастрофами. Однажды они приехали вместе на свадьбу его друзей, и героиня прямо во время церемонии разрыдалась так, словно была отвергнутой возлюбленной жениха. Она плакала не от горя и не от умиления, она даже сама не понимала причину своих слез.

³⁸ ...поесть жареных оломоуцких сырков. – Оломоуцкие сырки (*olomoucké syrečky*, *olomoucké tvarůžky*) – выдержанный мягкий сыр желтоватого цвета с характерным резким запахом, производимый в окрестностях Оломоуца.

Итак, вечер пятницы интересующая нас пара проводила в каком-нибудь заведении, а в субботу отправлялась за город. Особенно они полюбили холм Сваты-Копечек у Оломоуца. Покупали козий сыр, оливки, хлеб и бутылку вина и устраивали под деревом пикник: позади – домик Иржи Волькера³⁹, внизу – ганацкие равнины. Опускался вечер, и наши герои то наслаждались видом бесконечных полей, то возобновляли прерванный разговор (там, наверху, возле базилики антагонистка становилась не столь антагонистичной); из зоопарка, что находился неподалеку, доносились звериные рыки, сливавшиеся над лесом в единый гул, – как если бы филармонический оркестр настраивался перед концертом. Нина и Ян вспоминали гиббонов из зоопарка: сидя за стеклом на скамейке, обезьяны старательно очищали пальцы на ногах от опилок и время от времени поглядывали на посетителей с немой настойчивостью, будто ожидая ответа на вопрос, который они предугадывают, но задать не могут. В эти минуты наши влюбленные остро осознавали, что организатор сомнительного турнира под названием “Человеческая жизнь” именно им вручил уайлд-кард, и всячески старались этим шансом воспользоваться. Вечером в студенческой квартире, стоя друг напротив друга и касаясь друг друга лбами, *tête-à-tête*, они ощущали, как их черепные кости омывает океан сознания, чужой океан, в котором им никогда не искупаться. Только тогда, натыкаясь на стекло собственного экзистенциального вольера, они по-настоящему понимали немую настойчивость гиббонов. Что же еще оставалось нашим героям, кроме как – в отчаянии перед этой Бесконечной Близостью и Непреодолимой Границей – заниматься любовью?

Утром следующего дня они просыпались от звона колоколов, созывавших на службу в костел Святого Михаила. Эти ленивые воскресные оломоуцкие утра были совершенны. Колокола били так сильно, что их звон отдавался в костях и нашим героям казалось, будто костел прямо у них внутри и мессу можно запросто служить в храме их тел. Поднявшись с кровати, они обычно обнаруживали, что позавтракать нечем, и выбирались на улицу, а выйдя наружу, совмещали завтрак с прогулкой, потому как что еще делать в воскресенье перед обедом?

Так однажды наши герои шли по тихой улице, вдоль которой тянулись низкие домики с палисадниками, Нина щебетала, а Ян раздумывал, не провести ли ему еще одну ночь в Оломоуце – он мог бы отправиться в редакцию прямо с вокзала. Тут Нина что-то пробормотала, и Ян, мысленно уже садившийся за компьютер, истолковал это так, будто она перешлет ему мейлы.

– Какие мейлы? – переспросил он.

Нина вдруг остановилась, и лицо ее залилось краской.

– Ну ты же сказала, что перешлешь мне мейлы.

Она взглянула на него так, словно он дразнил ее.

– Я сказала, что я люблю тебя, милый.

Ян рассмеялся, но у нашей героини на глазах выступили слезы, и до него внезапно дошло:

– Господи, ты же говоришь это впервые!

Нина кивнула.

– Ведь до сих пор ты играла в «черный с белым не бери, “я люблю” не говори»?

Нина кивнула опять и сквозь слезы улыбнулась.

– Я тоже перешлю тебе мейлы, – пообещал Ян и обнял ее так крепко, как только мог. – Я буду пересылать тебе мейлы каждый день.

³⁹ ...позади – домик Иржи Волькера... – Поэт Иржи Волькер (1900–1924), будучи ребенком, проводил лето у своей бабушки, жившей на холме Сваты-Копечек. Дому, где гостил Волькер, в тридцатых годах был присвоен статус памятника культуры, и теперь его называют “домом Иржи Волькера”.

* * *

Что удивительно, хотя поток событий и откровений нес наших героев куда-то вперед, они сами в то же время были только руслом этого потока. Дни один за другим текли сквозь них – да, это вполне подходящее выражение, которое передает их странное состояние спокойствия, смешанного с волнением. Наши герои чувствовали себя действующими лицами происходящего, но при этом были всего лишь местом действия.

Они тогда познавали друг друга на разные лады, и когда Ян впервые приехал в родной дом Нины, она опять открылась для него по-новому. Ее мансардная комната сохранила приметы прошлой жизни, той, которую наша героиня вела до поступления в университет: мольберт с наброском в жанре ню (по всей видимости, автопортретом), на полке керамические миски, собственноручно вылепленные на гончарном круге, незаконченный бюст незнакомца, в чьем расплывчатом лице протагонист пытался разглядеть себя. Светлые встроенные шкафы, занимавшие целую стену, были заполнены стопками одежды, часть которой досталась по наследству и, как правило, даже ни разу не надевалась, потому что Нина не вылезала из привычных вещей и только изредка удивляла нашего героя, облачившись в брюки с подтяжками или ни с того с сего выудив из кучи тряпок кричащее красное платье с выпускного. Вдоль другой стены тянулась длинная полка, где, как на насесте, ютились Нинины книги, а над кроватью висел плакат к фильму “Бал пожарных”. Стол, за которым Нина, по-видимому, готовила в свое время уроки, служил теперь для складирования всякой всячины; еще в комнате смогла поместиться только кровать. И вот на той самой кровати, под тем самым киноплакатом протагонисту особенно нравилось овладевать антагонисткой: отсюда, из этой девичьей светелки, еще не выветрились ее юные сны, пахнущие розовым перцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.